

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

3 августа 2016 г.

№ 189

Четвертый этаж (окончание). Мост через пропасть

Доклад на Летней школе движения «Суть времени».
Александровское, 11 июля 2016 года

XXVI

Каждый раз, когда пытаешься об- судить масштаб катастрофы и пу- ти выхода из нее, наталкиваешься на одно и то же обстоятельство. Слишком многие, в том числе и из тех, кто сильно переживает происходящее, не хотят по- нять, какой вполне конкретный, вполне практический ужас кроется за словосо- четанием «катастрофа смысла». Людям все-таки кажется, что ядерная война, Чернобыль, экологические катастрофы — это действительно серьезно. Даже финан- совый дефолт тоже серьезен, потому что конкретно разоряет людей, а это не шу- тки — быть разоренными в буржуазной стране. А катастрофа смысла — это, ко- нечно, очень мрачная, обидная и даже опасная вещь. Но это не ковровые бом- бардировки эпохи Великой Отечествен- ной войны и даже не донбасские ужасы.

На самом деле катастрофа смысла очень практична. Конечно, страшно по- терять сбережения. Но если ты облада- ешь смыслами и другие ими обладают, то вы сплотитесь, сожметесь, уплотнитесь, сдадите квартиру, сделаете что-нибудь еще, придумаете работу, вы не озлоби- тесь, не запаникуете, не впадете в паралич, не пуститесь в какие-нибудь совсем губи- тельные авантюры, вы не полезете в пет- лю, не заболаете окончательно гибельным образом. Главное — вы не сломаетесь, об- ладая смыслами, и не окажетесь в одино- честве. А если вы не сломаетесь и не ока- жетесь в одиночестве, то вы выстоите. Вы даже мобилизуетесь больше. Поэтому беда, возможно, откроет для вас новые возможности. Но всё это потому, что у вас есть смыслы, а если у вас их нет, то все ва-

ши конкретные действия будут действия- ми сломленных или надломленных людей. А такие действия всегда контрпродуктив- ны. И даже малая неприятность окажется в этих условиях непереносимой.

Очень важно понять, что катастрофа смыслов (а нынешняя молодежь сформи- ровалась в условиях смыслокатастрофы) — это на практике самая страшная из всех возможных катастроф. Она не должна об- суждаться с высоты птичьего полета. Под каким практическим, приземленным даже углом зрения это ни рассматривай, всё равно правильный взгляд обнаружит практиче- скую ужасность именно такой катастрофы и ее способность порождать бесконечные чудовищные практические последствия.

Если смыслокатастрофа происходит, исчезает личность, исчезают общности и исчезает стойкость. Такие исчезнове- ния порождают и не могут не породить множественных конкретных губительней- ших последствий. А также определенной травмированности этими последствиями, да и самой смыслокатастрофой.

Повторяю, все, кто начинают ее оцени- вать, инстинктивно или по неразумию сни- жают ее губительность в сотни, а то и ты- сячи раз. И тут хотите — читайте Франкла с его смыслокатастрофами, а хотите — просто берите голову в руки и открывайте глаза. Я описал только несколько послед- ствий смыслокатастрофы для молодежи, которую в такой катастрофизм окунули. И поймите, что радиационный лучевой удар практически менее страшен, чем по- теря смыслов, разрушающая все конкрет- ные ткани бытия.

Когда меня спрашивают, почему имеющийся красный след таков, каков он есть, и почему этот след не создает вокруг себя полей особого притяжения, не создает мощной периферии, состоящей из тех, кто обладает хотя бы размытыми неосветскими предпочтениями, я отве- чаю: «При таких повреждениях, которые организовал враг, этого следа не должно было возникнуть вообще. Он должен был

быстро распасться и уж ни в коем случае не наращивать качество».

Так что произошедшее — это руко- творное чудо. Наше общее чудо. Но нель- зя же закрывать глаза на то, что повреж- дения существуют. И что превращение описанных мной простейших регистраций импульса, простейших реакций на этот им- пульс — в то, что должен выдавать на-гора настоящий борец с огромной бедой, — это нечто почти невозможное.

XXVII

И пока это почти невозможное ка- ким-то страстным коллективным усили- ем не будет осуществлено, не произойдет главного — искупления. А ведь именно оно должно произойти для того, чтобы нача- лось возрождение страны. Или, точнее, воскресение страны и общества. Потому что сейчас налицо особое смертное суще- ствование и того, и другого — существова- ние, прекрасно описанное в начале XX века замечательным русским поэтом Андреем Белым. Стихотворение это называется «Ве- селье на Руси». Оно написано в 1906 году.

Как несли за флягой флягу —
Пили огненную влагу.

Д'накачался —
Я.
Д'наплясался —
Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячок
Повалили на лужок.

Эх —
Людям грех!
Эх — курам смех!

Трепаком-паком размашисто пошли: —
Трепаком, душа, ходи-валяй-вали:

Трепака да на лугах,
Да на межах, да во лесах —

Да обрабатывай!

По дороге ноги-ноженьки туды-сюды пошли,
Да по дороженьке вали-вали-вали —

Да притопатывай!

Что там думать, что там ждать:
Дунуть, плюнуть — наплевать:
Наплевать да растоптать:
Веселиться, пить да жрать.

Гомилетика, каноника —
Раздувай-дува-дувай, моя гармоника!

Дьякон пляшет —
— Дьякон, дьякон —
Рясой машет —
— Дьякон, дьякон —
Что такое, дьякон, смерть?

— «Что такое? То и это:
Носом — в лужу, пяткой — в твердь...»

.....

Раскидалась в ветре, — пляшет —
Полевая жердь —

Веткой хлоплюющей машет
Прямо в твердь.

Бирюзовую волною
Нежит твердь.

Над страной моей родною
Встала Смерть.

В 1906 году Андрей Белый, обладая необходимыми метафизическими датчика- ми, ощутил, что над страной стоит некое метафизическое существо под названием смерть Родины, а может быть, и смерть человечества.

Продолжение на стр. 2

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

1 6 1 8 9

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1

Борис Кустодиев. Осенний сельский праздник. 1914 г.

В 1917 году худо-бедно удалось изгнать смерть или, по крайней мере, удалось отсрочить ее пришествие. После 1991 года это второе пришествие наступило. Может быть, оно и не второе, а третье или не третье, а четвертое. Важно не это.

Важно то, что смерть сама собой не отступает. Ее изгоняют пассионарии, решившие спасти Родину. И способные на нужный в ту или иную эпоху тип подвига. Тип подвига зависит от того, в каком обличье приходит смерть. Иногда она приходит в простейшем обличье гитлеровского захватчика, а иногда — в обличье гораздо более сложном. Сейчас она пришла в родную страну в невероятном сложном обличье. А страна не готова к этому приходу более, чем когда бы то ни было.

Кроме того, пассионариев удалось действительно сильно побить. А состояние четвертого этажа у многих из них таково, что они — и низкий им поклон за это — могут просто откликнуться на простое. Еще раз подчеркну, что если бы этого отклика не было, то всё было бы уже проиграно, но если им всё ограничится, то всё будет проиграно.

Необходимое действие, способное это предотвратить, относится к разряду почти невозможного. Но поскольку без такого действия перестройка-1 рано или поздно обернется тем или иным вариантом перестройки-2, необходимо обсудить, во-первых, чем же, с практической точки зрения, является это невозможное. И, во-вторых, каковы преграды на пути его реализации. Каковы они, эти реальные преграды, придающие необходимому действию статус действия почти невозможного?

Отвечать на этот вопрос я буду сообразно его сложности и масштабности.

При этом моя задача состоит в том, чтобы в итоге этот ответ был практически ценным.

XXVIII

Через века и тысячелетия красной нитью проходит несколько фундаментальных полемика по вопросу о том, что такое человек. Одна из них строится вокруг вопроса о том, задаваем ли человек полностью внешними факторами или он всё же является существом, имеющим внутри себя нечто, способное сопротивляться воздействию внешних факторов, то есть существом, в большой степени задаваемым факторами внутренними.

Итак, задается ли человек полностью внешними влияниями? Повторяю, что в зависимости от того, так это или не так, по-разному надо отвечать на главный вопрос: «Что такое человек?» А в зависимости от ответа на этот вопрос надо по-разному отвечать на вопрос о том, можно ли совершить то, что необходимо и почти невозможно, а также на вопрос о том, как это осуществить.

Хочу обратить внимание собравшихся на то, что мыслители, которые на протяжении тысячелетий — да-да, буквально тысячелетий! — говорили, что человек задается внешними влияниями не полностью, не утверждали, что он этими внешними влияниями вообще никак не задается. Они говорили только, что он внешними влияниями задается не до конца. А те, кто с этими мыслителями спорил, отвечали: «Нет, до конца, до конца! Нет в человеке ничего собственно человеческого, задаваемого чем-либо, кроме внешних влияний».

Такой фундаментальный спор называют иногда спором по поводу чистого листа. Но если я просто скажу, что хочу рассмотреть спор по поводу чистого листа, и начну называть имена спорящих, то может возникнуть ситуация определенной растерянности, сопровождающаяся попытками быстро заглянуть в интернет.

Поскольку для большинства собравшихся и эти имена, и сама концепция чистого листа, по латыни именуемого *tabula rasa*, не являются чем-то знакомым и понятным, постольку взятие всего этого в виде стартового пункта обсуждения — ошибочно. Но почему вообще надо, наряду с политикой как таковой, обсуждать подобные сложные темы?

Потому что у этих сложных тем есть, скажем образно, интеллектуальные и политические дети, внуки и правнуки. То есть сугубо практические политические темы, полностью зависимые от сложных тем, непонимание которых делает политика стратегически беспомощным. Для преодоления этой стратегической беспомощности нужно сочетать обсуждение каких-то практических политических вопросов с вопросами общего характера. Повторяю, это нужно именно сочетать, а не отрывать одно от другого.

Кое-какие практические, собственно политические или политико-метафизические вопросы я уже обсудил. Теперь хотелось бы обсудить общие идеи, отчасти порождающие как эти вопросы, так и неполную эффективность ответов «Сути времени» на предельно конкретные вызовы. Так что я не буду заниматься общими идеями как таковыми. Я достаточно быстро выйду на их прикладное значение.

XXIX

Что же касается общих идей, которые связаны с вопросом о степени заданности человека внешними воздействиями и обстоятельствами, то их обсуждение мне придется начать с кратких биографических сведений. Это необходимо сделать, исходя из принципиальных соображений, относящихся к тому, что можно назвать объемом и глубиной обсуждаемого содержания. Но это вдвойне необходимо сделать, поскольку в современном мире вообще и на наших школах в частности отсутствие сообщаемых биографических сведений при назывании очень многих известных имен вызывает растерянность, очень напоминающую ту, с которой герой фильма «Чапаев» реагирует на упоминание об Александре Македонском: «Кто такой? Почему не знаю?»

Напомню собравшимся, что именно порождает эту реакцию Чапаева.

Приехавший к Чапаеву комиссар Фурманов начинает перечить народному герою Чапаеву. Чапаев реагирует на это крайне негативно и даже угрожает застрелить комиссара Фурманова. Обнаружив, что у него под рукой нет револьвера, Чапаев, чтобы разрядиться, разбивает табуретку. Фурманов, реагируя на это, говорит Чапаеву: «Александр Македонский тоже был великий полководец. А зачем же табуретки ломать?»

Предлагаю собравшимся вдуматься в ситуацию, которая не так проста, как кажется, и имеет самое прямое отношение к современности вообще и к нашему движению в частности.

Фурманов произносит эту фразу про Александра Македонского (являющуюся

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

цитатой из комедии Н. Гоголя «Ревизор»), потому что для него «Ревизор» Гоголя вообще и крылатая фраза Городничего об Александре Македонском — это очевидные, сами собой разумеющиеся культурные единицы. Но это единицы культуры Фурманова — культуры разночинной интеллигенции царской империи. Это чуть ли не крылатая фраза для определенных, достаточно широких слоев населения. Но не для того слоя, к которому принадлежал Чапаев. Позже, когда такие, как Чапаев, победят в Гражданской войне и начнут строить новую жизнь, в советской школе снова будут проходить «Ревизора» Гоголя, еще более активно, чем в досоветский период. И фраза Городничего про Александра Македонского станет совсем расхожей. Она станет несомненной культурной единицей фактически для всего советского общества.

А теперь мы живем в постсоветском обществе. Может быть, в школе и проходят «Ревизора». Но я совершенно не уверен, что даже для всех собравшихся в этом зале, в основном учившихся в лихие девяностые годы, эта фраза Городничего является несомненной культурной единицей. Как и «Ревизор» в целом. Поэтому я напомню собравшимся тот великолепный эпизод из «Ревизора», в котором Городничий говорит про некие обнаруженные им перегибы в поведении учителя истории, преподающего в местной гимназии.

«Городничий. *То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведения нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хватил стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.*

Смотритель училищ Лука Лукич пытается защитить своего подчиненного, которого критикует Городничий.

«Лука Лукич. *Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал. Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».*

«Городничий (внутренне сочувствуя Луке Лукичу — С.Е.). *Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек либо пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси».*

Повторяю, советский зритель, смотревший фильм «Чапаев», проходил на уроках литературы «Ревизора» Гоголя. И для него фраза «Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» была несомненной единицей его культуры. Чем-то типа крылатого выражения. Он мог забыть многое в «Ревизоре» — например, про «неизъяснимый закон судеб», — но эту фразу он помнил. И он знал, что почти все советские люди ее помнят.

Соответственно, он с пониманием относился и к литературной некомпетентности Чапаева, и к яркости реакции Чапаева на что-то для него непонятное, но важное. В постсоветском обществе всё это не гарантировано. И при просмотре фильма «Чапаев» у постсоветской молодежи, яростно защищающей советское, но уже пораженной декультурацией и не знающей или не помнящей «Ревизора», вполне может возникнуть вопрос: «А с чего это Фурманов начал говорить об Александре Македонском? Да еще и тему сломанной табуретки ввел в оборот в связи с таким разговором?»

Рис. 17. Мишель Даль.
Джон Локк. Ок. 1700 г.

Вот что такое декультурация, осуществленная за последние 25 лет.

Она есть мощнейший вызов, на который надо ответить. И этих вызовов много. Десоциализация... Эмоциональная депривация (то есть неспособность к глубокому и убедительному выражению содержательных эмоций)... Глубокая непреодоленная травма, порожденная полным осознанием смертности в условиях дефицита крупных общественно значимых смыслов жизни... Сам этот смыслодефицит, который можно назвать «делогосизацией» (логос — это смысл)...

Но вернемся к фильму «Чапаев». Услышав про Александра Македонского, Чапаев, который не читал «Ревизора» Гоголя, реагирует так:

«Чапаев. *Македонский? Полководец? Кто такой, почему не знаю? Я всех великих полководцев знаю. Гарибальди. Наполеон. Суворов. А этот как... Македонский? Кто такой? Почему не знаю?»*

«Александр Македонский тоже был великий полководец. А зачем же табуретки ломать» — Кадр из фильма «Чапаев»

Фурманов отвечает:
«Ну, его мало кто знает. Он жил две тысячи лет назад».

Чапаев на это: *«Да, ты-то вот знаешь, и я знать должен».*

Чапаев, успокоившись, начинает петь песню «Ты моряк, красивый сам собою».

Фурманов, пользуясь случаем, говорит ему о том, что давно уже накопело: *«Слушай, ты, моряк, красивый само собою... Ты бы подтянулся что ли, малость? Ходишь вечно в таком затрапезном виде. («В затрапезном виде» — это как когда у нас на школе на лекции ходят в шортах. — С.Е.) А ты ведь теперь командир регулярной Красной Армии. Должен бойцам пример давать».*

«Чапаев (возвращаясь к теме Александра Македонского, которая запала ему в душу — С.Е.). *Что ж твой Александр Македонский в белых перчатках воевал, да?*

Фурманов. *Но и не ходил как босяк!*

Чапаев. *А ты почему знаешь? Это две тысячи лет назад было. Гляди у меня...»*

Я потратил время на этот сложно построенный экскурс в культуру, во-первых, для того, чтобы показать, как трудно почитателям советского, живущим в постсоветскую эпоху в условиях декультурации, понимать содержание великих советских фильмов. И, во-вторых, для того, чтобы ввести в оборот крылатое когда-то выражение «Кто такой, почему не знаю?»

Если я сейчас, обсуждая неочевидные общие идеи, начну оперировать именами, столь же неизвестными современному постсоветскому почитателям советской, сколь неизвестно было Чапаеву имя Александра Македонского, то часть слушателей спросит меня: «Кто такие, почему не знаем?» Поэтому я должен сначала сообщить, кто такие те, чими идеями я намерен развернуть оперировать.

Но даже если эти имена знакомы части собравшихся, всё равно для объема и глубины изложения надо еще раз обсудить не просто то, кто такие — обладатели этих имен, но и каково их всемирно-историческое значение.

XXX

Итак, когда говорят о человеке как о сумме внешних влияний или как о чистом листе (*tabula rasa*), на котором эти внешние влияния пишут текст, задавая этим полностью человеческую личность, то ссылаются на авторитет великого британского философа и педагога XVII века Джона Локка (рис. 17).

Добы ни у кого не возникло вопроса «Кто такой, почему не знаю?», сообщаю необходимые сведения. Джон Локк родился в 1632 году и умер в 1704-м.

С момента, когда Локк сформулировал свои основные философские и педагогические идеи, прошло более 350 лет. Но идеи Локка вообще и его идеи о *tabula rasa* в первую очередь до сих пор востребованы. И более того, именно опираясь на эти идеи, мир двигают в том направлении, которое нам представляется пагубным, детей учат определенным образом, людей воспитывают и формируют опять-таки определенным образом. Так что Локк умер, а идеи его живы и влияют на то, как именно реализуется сегодня проект под названием «Человек».

Джон Локк поступил в знаменитую британскую Вестминстерскую школу в 1646 году и окончил ее в 1652-м. Уже во время учебы в школе он проявил выдающиеся способности, считался одним из лучших учеников.

Сразу же после окончания Вестминстерской школы Джон Локк, имея превосходный аттестат, поступает в Оксфордский университет. В 1656 году Локк получает степень бакалавра Оксфордского университета, а в 1658-м — степень магистра этого университета.

Начиная с 1667 года, Локк прочнейшим образом связывает свою человеческую, научную и политическую судьбу с известным британским аристократом лордом Энтони Эшли-Купером, ставшим впоследствии графом Шефтсбери.

Лорд Эшли весьма специфически себя вел в ходе Английской буржуазной революции. Он перешел из лагеря сторонников Карла I Стюарта в лагерь сторонников парламента, казнившего этого британского государя, потом вместе с Монком способствовал реставрации Стюартов, при Карле II был лордом-канцлером, затем опять перешел в оппозицию.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–3

Каждая великая буржуазная революция рано или поздно кончается постреволюционной диктатурой. При этом постреволюционный диктатор тем или иным способом оформляет результаты революции, не отказываясь от ее основных завоеваний. Во Франции роль постреволюционного диктатора сыграл Наполеон Бонапарт, в Британии, где революция произошла на полтора столетия раньше, эту же роль, но по-другому, сыграл знаменитый Оливер Кромвель, который сначала был революционным вождем, потом стал постреволюционным диктатором (лордом-протектором). При Оливере Кромвелле лорд Эшли входит в число парламентских оппозиционеров, оказывавших Кромвелю сдержанное противодействие. После смерти Кромвелля Эшли вместе с политическим наследником Кромвелля генералом Джорджем Монком (1608–1670) содействует реставрации Стюартов.

После реставрации лорд Эшли делает стремительную карьеру. Он становится одним из главных судей, разбиравшихся со злодейскими для Стюартов революционными событиями вообще и с казнью короля Карла I в частности, после этого возводится в звание пэра, назначается канцлером казначейства, затем — лордом-канцлером.

Эшли входит в пятерку членов тайного совета, так называемого «министерства КАБАЛЬ» (CABAL — аббревиатура, составленная из первых букв титулов составляющих группу министров) или министерства Интриги («cabal» по-английски значит «интрига, заговор»). Задача министерства — вернуть в Британию феодальный абсолютизм, сведя к нулю завоевания английской буржуазной революции.

Решение этой задачи натолкнулось на широкое противодействие со стороны разных слоев тогдашнего британского общества. На улицах Лондона и других городов распевали песню: «Как может государство процветать, когда им управляют эти пять».

Когда Карл II Стюарт занялся не только реставрацией феодализма, но и сдачей национальных интересов Франции, благодаря поддержке которой он смог вернуться на престол, лорд Эшли возглавил оппозицию и вышел из состава тайного совета.

Когда парламент, в котором час от часу крепились оппозиционные настроения, был разогнан, Эшли объявил этот разгон незаконным и был заключен в лондонскую крепость Тауэр.

Он вышел из тюрьмы, мастерски маневрируя между различными силами, ненадолго стал аж председателем тайного совета. В результате контригры он был смещен со своего поста и обвинен в государственной измене. Проявив недюжинную волю, смелость и полемическое мастерство, Эшли добился своего оправдания.

Затем Эшли примкнул к заговору. Этот заговор провалился, и Эшли эмигрировал в Голландию.

Джон Локк стал сначала домашним врачом и воспитателем сына Эшли. Потом с благословения Эшли занялся политической деятельностью, написал несколько посланий о веротерпимости. Потом, опять же по поручению Эшли, Локк пишет конституцию для провинции Каролина в Северной Америке.

Политическая и интеллектуальная деятельность Локка дает свои плоды. Локка избирают членом королевского общества, затем — членом высшего Совета королевского общества.

В 1671 году Локк приступает к написанию своего фундаментального труда «Опыт о человеческом разумении». Именно написание этого труда сделало Локка в определенном смысле властителем дум на протяжении столетий. Политическая карьера Локка полностью зависит от взлетов и падений Эшли. Локк эмигрирует

Адриан Ханнеман. Лорд Энтони Эшли-Купер, 1-й граф Шефтсбери (1621–1683). 1655 г.

Сальватор Роза. Демокрит (в центре) и Протагор (справа). 1672 г.

в Голландию вместе с Эшли. И возвращается в Англию после того, как осуществляется так называемая Славная революция, посадившая на королевский трон представителя и ставленника ганноверской немецкой династии Вильгельма Оранского.

Вернувшись на родину после этой революции в 1688 году, Локк в 1690 году издает свой знаменитый «Опыт о человеческом разумении», а также книгу под названием «Два трактата о правлении».

В 1693 году Локк издает свои ничуть не менее знаменитые, чем «Опыт о человеческом разумении», «Мысли о воспитании».

Локк умирает от астмы в 1704 году.

Его теория «чистого листа», согласно которой человек является этим самым «чистым листом», на котором внешним по отношению к нему миром написаны все письма, именуемые собственно человеческим содержанием, живет до сих пор. И именно она, внедряясь в воспитательную практику, во все практики формирования человеческой личности, сулит нам в случае своего окончательного триумфа такой глобальный Освенцим, по отношению к которому нацистские лагеря смерти окажутся территориями, сохраняющими для человека какие-то гуманистические возможности.

XXXI

Нельзя сказать, что не было и нет интеллектуальной и практического сопротивления теории Локка и ее применению на практике.

Веками и тысячелетиями длится фундаментальный конфликт между теми, кто, как и Локк, считают человека чистым листом, на котором внешние воздействия пишут текст (сейчас скажут — «программируют» мышление и поведение), и теми, кто считает иначе (их ярчайшего представителя я назову и обсужу чуть позже).

Этот конфликт начался задолго до откровений Локка и полемики, которую вызвали эти откровения. Он начался еще в Древней Греции, он затем доформился в полемике Локка и его противников, и он длится по сию пору.

Всё на свете: судьбы человечества, возможность дать отпор фундаментальному нацизму, возможность коммунизма и многое другое — по большому счету определяется данным тысячелетним спором. Ни одна из крупнейших проблем современности и будущего человечества не может быть понята верно без знания о том, с кем и за что боролись силы, принципиально отличающиеся по взгляду на Человека.

Одна из сил, участвующих в подобной никогда не прекращавшейся борьбе, — это рационализм. Совершенно ошибочно утверждение, согласно которому рационализм всё сводит к сухим логическим выкладкам. На самом деле рационалистам свойственно преклонение перед разумом, который для них является не чистым листом, не базой данных, где хранятся и даже обрабатываются данные, полученные органами чувств, а чем-то гораздо большим.

Своим родоначальником рационалисты считают античного философа Сократа (рис. 18), родившегося в 469 году до нашей эры и умершего в 399 году до нашей эры.

Другие великие рационалисты — это Рене Декарт (1596–1650), Бенедикт Спиноза (1632–1667), Готфрид Лейбниц (1646–1716), Иммануил Кант (1724–1804), Георг Гегель (1770–1831).

Локк — это один из тех, кто вел наиболее последовательную, тонкую и эффективную борьбу с рационализмом вообще и прежде всего с Рене Декартом (рис. 19), восстановившим значение рационализма, приняв эстафету у великого Сократа.

Главный противник рационализма не иррационализм, хотя и он весьма и весьма влиятелен в современном мире.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

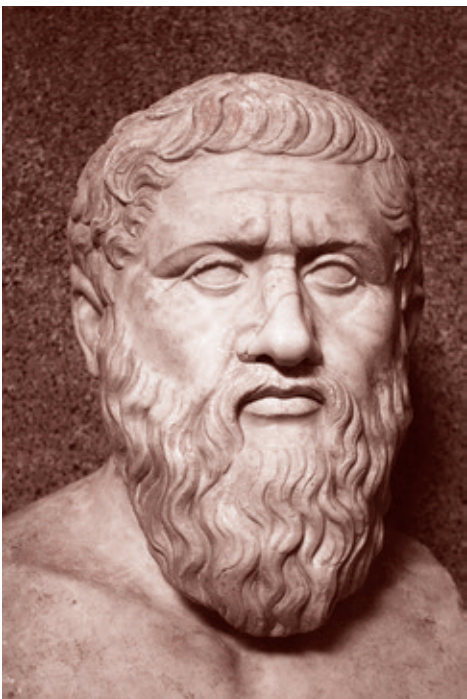

Рис. 20. Платон

И всё же главный противник рационализма — это так называемый сенсуализм (от латинского слова *sensus* — восприятие, чувство, ощущение).

Полемизируя с Рене Декартом, Джон Локк, возглавивший антирационалистическое сенсуалистское направление, заявил, что «нет ничего в разуме, чего не было бы в чувстве».

Тем самым Локк, по сути, принял эстафету у таких античных противников Сократа, как софисты, лидером которых был древнегреческий философ Протагор (485 год до нашей эры — 410 год до нашей эры). Знаменитое высказывание Протагора «Человек есть мера всех вещей» только запутывает любого, кто хочет разобраться в позиции данного античного философа. Для этого достаточно просто прочитать до конца то высказывание, в котором говорится об этой самой мере всех вещей: «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют».

XXXII

Поскольку никаких текстов самого Протагора не осталось, мы можем ориентироваться только на одного из величайших древнегреческих философов — Платона (427 (428) — 347 (348) год до нашей эры). (рис. 20)

Платон — ученик Сократа и учитель Аристотеля. Он первый древнегреческий философ, чьи сочинения дошли до нас не в отрывках, цитируемых другими. Платон поведал нам что-то о Протагоре, чьи сочинения до нас не дошли. Я процитирую кусок из произведения Платона «Теэтет». Это произведение названо по имени персонажа, с которым полемизирует сам Сократ.

Сократ предлагает Теэтету попытаться разобраться с тем, что есть знание. Он говорит ему при этом: «А что-де ты не способен, этого никогда не говори. Ведь если угодно будет богу и если ты сам согласишься с духом, то окажешься способен».

Это, кстати, касается и собравшихся в этом зале: никогда не говори, что ты не способен, — соберись с духом и окажешься способен.

Теэтет, выполняя рекомендацию Сократа, начинает полемизировать с великим философом, предъявляя ему свое представление о знании.

Сократ: «Итак, ты говоришь, что знание есть ощущение?»

Обращаю внимание собравшихся на то, что тезис о том, что знание тождественно ощущению, как раз и представляет собой квинтэссенцию сенсуализма, непри-

Рис. 19. Франц Хальс. Рене Декарт. 1649 г.

миримо сражающегося с рационализмом с древнейших времен и по сию пору. Теэтет утвердительно отвечает на вопрос Сократа: мол, и впрямь, знание — это ощущение.

« Сократ. Я подозреваю, что ты нашел неплохое толкование знания. Однако так же толковал это и Протагор. Другим, правда, путем он нашел то же самое. Ведь у него где-то сказано: «Мера всех вещей — человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют». Ты ведь это читал когда-нибудь?»

Теэтет. Читал, и не один раз.

Сократ. Так вот, он говорит тем самым, что-де какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она в свою очередь для тебя. Ведь человек — это ты или я, не так ли?

Теэтет. Да, он толкует это так.

Сократ. А мудрому мужу, разумеется, не подобает болтать вздор. Так что последуем за ним. Разве не бывает иной раз, что дует один и тот же ветер, а кто-то мерзнет при этом, кто-то — нет? И кто-то не слишком, а кто-то — сильно?»

Теэтет. Еще как!

Сократ. Так скажем ли мы, что ветер сам по себе холодный или нет, или поверим Протагору, что для мерзнущего он холодный, а для не мерзнущего — нет?

Теэтет. Приходится поверить.

Сократ. Ведь это каждому так кажется?

Теэтет. Да.

Сократ. А «кажется» — это и значит ощущать?

Теэтет. Именно так.

Сократ. Стало быть, то, что кажется, и ощущение — одно и то же, во всяком случае когда дело касается тепла и то-

му подобного. Каким каждый человек ощущает нечто, таким, скорее всего, оно и будет для каждого.

Теэтет. Видимо, так.

Сократ. Выходит, ощущение — это всегда ощущение бытия, и как знание оно непогрешимо.

Теэтет. Очевидно.

Сократ. Тогда, клянусь Харитами, Протагор был премудр и эти загадочные слова бросил нам, всякому сброду, ученикам же своим втайне рассказал истину.

Теэтет. Как тебя понять, Сократ? »

В ответ Сократ подробно обсуждает проблемы покоя и становления, к которым нам еще придется вернуться. Обсудив их, он возвращается к ощущению как единственно непогрешимому знанию, то есть к сенсуализму.

«Сократ. Тогда не оставим без внимания и остального. Остались же у нас сновидения и болезни, особенно же помешательства, которые обычно истолковывают как расстройство зрения, слуха или какого-нибудь другого ощущения. Ты ведь знаешь, что во всех этих случаях недавно разобранное утверждение (то есть то самое, согласно которому ощущение непогрешимо — С. К.) как раз опровергается, так как в высшей степени ложны наши ощущения, рожденные при этом, и то, что каждому кажется каким-то, далеко не таково на самом деле, но совсем напротив, из того, что кажется, ничто не существует».

Теэтет. Это сущая правда, Сократ.

Сократ. Итак, мой мальчик, какое же еще остается у кого-либо основание полагать, что знание есть ощущение и что каждая вещь для каждого такова, какой она ему кажется?»

Далее Сократ начинает обсуждать с Теэтетом проблему соотношения меж-

ду больным и здоровым Сократом как обладателями разных ощущений. Сократ приводит Теэтету пример с вином, которое для него, если он здоров, приятно и сладко, а если он нездоров — неприятно и горько.

«Сократ. Стало быть, если действующее на меня существует для меня, а не для кого-то другого, то и ощущаю его только я, а другой — нет?»

Теэтет. А как же иначе?

Сократ. Следовательно, мое ощущение истинно для меня, поскольку всегда принадлежит моей сущности, и, согласно Протагору, я судья всем существующим для меня вещам, что они существуют, и несуществующим, что они не существуют».

Теэтет. По-видимому».

Далее Сократ поздравляет Теэтета с тем, что он родил некое интеллектуальное детище, что это детище надо обнести вокруг очага, но что Теэтет не обидится, если у него это детище отберут. Он иронизирует по поводу того, что Теэтет оказался в хорошей компании вместе с мудрейшим из мудрейших мудрецов Протагором, а также теми, кого он называет «Гомером, Гераклитом и всем этим племенем» (высшая степень оскорбительности).

Далее Сократ спрашивает другого своего собеседника, Феодора, который назван геометром (должен оговорить, что в цитируемом мной платоновском диалоге «Теэтет» у Сократа несколько собеседников: Теэтет, этот Феодор, Терпсион, Евклид...). Сократ, обращаясь к Феодору, спрашивает: «Знаешь ли, Феодор, чему дивлюсь я в твоём друге Протагоре?»

«Феодор. Чему?»

Сократ. Те его слова, что каким каждому что-то представляется, таково оно и есть, мне очень нравятся. (Ощутите изящество и масштаб издевки — С. К.) А вот началу этого изречения я удивляюсь: почему бы ему не сказать в начале своей «Истины», что мера всех вещей — свинья или кинокефал (собакоголовое существо — С. К.), или что-нибудь еще более нелепо среди того, что имеет ощущения, чтобы тем пышнее и высокомернее было начало речи, доказывающей, что мы-то ему чуть ли не как богу дивимся за его мудрость, а он по разуму своему ничуть не выше головастика, не то что кого-либо из людей. Ты не согласен, Феодор? Ведь если для каждого истинно то, что он представляет себе на основании своего ощущения, если ни один человек не может лучше судить о состоянии другого, чем он сам, а другой не властен рассматривать, правильны или ложны мнения первого, но — что мы уже повторяли не один раз — если каждый будет иметь мнение только сам о себе и всякое такое мнение будет правильным и истинным, то с какой же стати, друг мой, Протагор оказывается таким мудрецом, что даже считает себя вправе учить других за большую плату, мы же оказываемся невеждами, которым следует у него учиться, — если каждый из нас есть мера своей мудрости? Как тут не сказать, что этими словами Протагор заискивает перед народом. Я не говорю уже о себе и своем повивальном искусстве — на нашу долю пришлось достаточно насмешек, — но я имею в виду вообще всякие занятия диалектикой».

Продолжение на стр. 6

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–5

Дело в том, что рассматривать и пытаться взаимно опровергать наши впечатления и мнения — всё это пустой и громкий вздор, коль скоро каждое из них — правильное и если истинна «Истина» Протагора, а не скрывает в своей глубинной сути некоей насмешки».

XXXIII

Я не имею возможности рассматривать данный диалог с еще большей подробностью, поэтому останавливаюсь на этом сократовском, а на самом деле — платоновском выпад против Протагора и софистов. Поэтому я предложу собравшимся еще раз задуматься над тем, что так изящно и глубоко обсуждали люди две с половиной тысячи лет назад. И сделал это предложение, сообщу какие-то минимальные сведения по поводу софистов, к коим относится обсуждаемый Сократом Протагор.

Софисты — это древнегреческие платные преподаватели красноречия и одновременно представители некоего философского направления, распространенного в Греции во второй половине V и первой половине IV веков до нашей эры.

Софистами называли и древнекитайских мудрецов.

Позднеантичный историк философии Диоген Лаэртский, обсуждая того же Протагора, которого обсуждал Сократ, утверждал, что Протагор «первый заявил, что о каждом предмете можно сказать двояко и противоположным образом».

К этому утверждению Диоген Лаэртский добавлял следующее: «О мысли он [Протагор] не заботился, спорил о словах, и повсеместное нынешнее племя спорщиков берет свое начало от него».

Софисты первыми стали говорить о том, что всё условно, что моральные принципы произвольны, что всё в мире относительно. Они довели до крайности принцип индивидуализма и неограниченной свободы. Их современники прекрасно понимали, что такое доведение до крайности этих принципов означает, по сути, крушение культуры. Ну так понадобилось две с половиной тысячи лет, чтобы такой неософистический подход уже почти не вызвал сопротивления.

XXXIV

То, что Локк и все другие сенсуалисты — это продолжатели дела софистов, не вызывает больших сомнений. Налицо действительно не столетний, а тысячелетний спор между двумя школами, мировоззрениями, течениями мысли, непримиримо противостоящими друг другу.

Если в постантичном мире знаменем, то есть ключевым выразителем некоего квазипротагорского, квазисофистического направления стал Джон Локк, то в этом же постантичном мире знаменем противоположного направления стал Готфрид Вильгельм Лейбниц. (рис. 21)

Лейбниц — это почти единственный ренессансный по сути человек в постренессансную эпоху. Он чуть моложе Локка (родился в 1646, умер в 1716 году).

В математике заслуга Лейбница состоит в том, что он создал математический анализ независимо от Ньютона, заложил основу математической логики, создал комбинаторику как науку, описал двоичную систему счисления. Не меньше заслуги Лейбница в механике, где он сформулировал закон сохранения энергии, в психологии, где он развил учение о бессознательной психической жизни, и в философии.

Лейбниц — автор современной формулировки закона тождества, он ввел понятие модели, он является фактическим зачинателем всего, что связано с вычислительной техникой, или, точнее, всего, что связано с машинным моделированием функций человеческого мозга.

Рис. 21. Андреас Шейтс. Готфрид Лейбниц. 1710 г.

Он сформулировал один из основных принципов физики — принцип наименьшего действия. Ему принадлежит ряд специальных открытий в физике. Ему принадлежит открытие в языкознании, в эволюции Земли. Все его открытия перечислить невозможно, поскольку помимо всего, сказанного выше, он делал открытия в юриспруденции, дипломатии, истории.

Известно о достаточно глубоком взаимодействии Лейбница с Петром Великим, который познакомился с Лейбницем во время своего путешествия в Европу, с негодованием отреагировал на то, что Лейбниц восхвалял победы Карла XII и восхищался тем, что этот шведский король, победив Петра I, воздвигнет шведскую границу от Москвы до Амура.

Однако Петр I не дал волю своей обидчивости и выстроил с Лейбницем прочные отношения, поддержав его идею о создании Академии наук в Петербурге, возведя Лейбница в высокий чин тайного советника юстиции и одарив его огромной по тем временам пенсией в 2000 гульденов.

Биографы подробно описывают раннюю гениальность Лейбница, самостоятельное освоение мальчиком античной культуры и литературы.

Многие философы и историки науки утверждают, что Лейбниц был для своей эпохи тем, чем Платон, Архимед и Аристотель вместе взятые.

Так называемый отец кибернетики Норберт Винер сказал, что если бы ему предложили выбрать святого покровителя кибернетики, то он выбрал бы Лейбница.

Лейбниц считается одним из самых выдающихся гениев за всю историю человечества, причем это тот редкий случай, когда детская гениальность сохранилась на всю жизнь.

Лейбниц так характеризовал свой интеллектуальный жизненный стиль: «Две вещи принесли мне огромную пользу, хотя обычно они приносят вред. Во-первых,

я был, собственно говоря, самоучкой. Во-вторых, во всякой науке, как только я приобретал о ней первые понятия, я всегда искал нового, часто просто потому, что не успел достаточно усвоить обыкновенное».

Лейбниц увлекался китайским конфуцианством, он пытался объединить современную ему науку и философию с метафизикой Лейбница, основанной на глубочайшем синтезе различных отраслей человеческого знания.

Необходимо подчеркнуть, что Лейбниц не вступил в беспощадный конфликт с Локком, а напротив, пытался примирить позиции Декарта и Локка, найти компромисс между рационализмом Декарта (или, если идти к истокам, — Сократа) и сенсуализмом Локка (или, если идти к истокам, — Протагора).

Но главное и для нас, и для человечества в целом, как ни странно, не в заслугах Лейбница по части развития тех или иных наук. Главное — в довольно простой реакции Лейбница на одно простое заявление Локка.

Локк был общепризнанным главой школы сенсуализма и эмпиризма. Главный тезис этой школы гласил: «Нет ничего в разуме, чего до этого не было бы в чувствах».

По латыни это звучит так: «*Nil est in intellectu, quod non fuerit prius in sensu*».

Лейбниц выдвинул блестящий тезис, фактически оформивший на века противоположную позицию. Он звучит так: «*Нет ничего в разуме, чего раньше не было бы в чувствах, кроме самого разума*» — «*Nil est in intellectu, quod non fuerit prius in sensu, excipit: nisi ipse intellectus*».

Хотелось бы, чтобы эти два тезиса все собравшиеся здесь выучили наизусть и по-русски, и по-латыни, поскольку речь идет не об абстрактных умствованиях, а о судьбе человечества.

XXXV

Я позволю себе развернуто процитировать очень известного американского психолога Гордона Олпорта (рис. 22).

Он родился в 1897 и умер в 1967 году, то есть он является не только одним из основных оппонентов Фрейда, но и современником таких выдающихся психологов, как Фромм, Выготский, Гальперин, Леонтьев.

В своей работе «Становление: основные положения психологии личности», посвященной Питириму Сорокину, Олпорт пишет:

«Джон Локк, как все мы помним (уважаю оптимистов — «все мы помним» — С. К.), полагал, что сознание индивидуума в момент рождения — это *tabula rasa*» («чистый лист»).

Формулируя актуальное содержание данного тезиса Локка, Олпорт констатирует, что этот тезис равносильно утверждению о том, что «интеллект сам по себе есть пассивная субстанция (запомним это — «пассивная субстанция», оно нам пригодится — С. К.), приобретающая содержание и структуру только через воздействие ощущений и наложение ассоциаций».

Тут каждое слово важно:

А) интеллект — это субстанция приобретающая, а не имеющая содержание;

Б) интеллект — это субстанция приобретающая, а значит, не имеющая не только своего автономного содержания, но и своей автономной структуры;

В) интеллект получает и содержание, и структуру только (тут важно это «только») через воздействие ощущений и наложение ассоциаций.

Далее Олпорт дает очень ясный и важный образ того, на что это похоже.

Не хочу, чтобы собравшиеся считали, что Олпорт — оракул, а его мнение — это истина в последней инстанции. Я часто цитирую людей, с которыми во многом не согласен, но которые, во-первых, суперкомпетентны, а, во-вторых, порой говорят нечто крайне важное. Олпорт — завзятый американский демократ, он — скорее оформитель чужих идей, чем гениальный первооткрыватель. Но он умеет четко формулировать определенные важнейшие представления, и эти его формулировки достаточно образны, что очень важно.

Вот та формулировка Олпорта, которая в данном случае важна. Олпорт сравнивает интеллект в локковском понимании (пассивная субстанция, приобретающая содержание и структуру только через воздействие ощущений и наложение ассоциаций) со сладким тестом, которое преобразуется в пряник с четким рисунком благодаря печатной доске кондитера. Олпорт пишет:

«Локк утверждал, что в интеллекте не может быть ничего, чего сначала не было бы в ощущении (*Nil est in intellectu, quod non fuerit prius in sensu*)».

Рис. 22. Гордон Олпорт

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Рис. 18. Жак-Луи Давид. Смерть Сократа. 1787 г.

Эту формулировку Лейбниц извительно дополнил: *ничего — за исключением самого интеллекта (ex ipse: nisi ipse intellectus)*».

Воспроизведя эту полемику и предложив оригинальный образ локковского интеллекта, Олпорт далее интерпретирует конфликт Локка и Лейбница.

Согласно Локку, организм реагирует, когда его стимулируют.

Согласно Лейбницу, он обладает самостоятельной активностью.

В сущности, всё, что определяет будущее человечества, вполне сводится к этой, казалось бы, элементарной разнице в подходах. Или организм, а также личность, обладают чем-то, именуемым *самостоятельной активностью*, или организм и личность этим *не обладают*.

В зависимости от того, обладают или не обладают, история человечества будет разворачиваться по-разному, будут задействованы разные концепции власти, разные социальные конструкции. Потому что если личность самостоятельной активностью не обладает, ну так и всё — лепи из нее всё, что хочется. Не полагайся на ее самостоятельную активность. А значит, обучение осуществляем так-то, власть осуществляем так-то, социум конструируем так-то.

Олпорт продолжает развивать свою мысль: *«Локк был англичанином, и, возможно, поэтому его образ мышления, развитый Юмом и другими последователями, непоколебимо утвердился в английской и американской психологии. Точка зрения Лейбница, развитая Кантом, превалировала в немецкой психологии и в целом в континентальной Европе»*.

Далее Олпорт перечисляет психологические направления, связанные с локковской традицией. Это, по мнению данного очень компетентного психолога, *«ассоцианизм всех типов (энвифонментализм [движение и научное направление, считаю-*

щее, что среда имеет решающее значение, а находящийся в ней субъект ей подчиняется — С. К.], бихевиоризм, теория стимула и реакции, фамильярно сокращаемое как S-R) и все другие «стимульно-ориентированные направления психологии».

Тут очень важно словосочетание «стимульно ориентированные». Гайдар и Ельцин вас стимулируют, вы ориентируетесь.

Олпорт перечисляет эти самые «стимульно» ориентированные направления в психологии и не только в психологии. Это, по его мнению, *«зоопсихология, генетическая психология, позитивизм, операционализм и математическое моделирование — короче, большая часть того, что сегодня пестуется в наших лабораториях как истинно «научная» психология»*.

Олпорт настаивает:

«Эти движения, которые на первый взгляд могут показаться различными, имеют общий фундамент — локковский эмпиризм».

По авторитетному суждению Олпорта, представители данного широкого направления, про которое он говорит, что оно пестуется в американских лабораториях как истинно «научная» психология, то есть психология, формирующая правильное представление о человеке (для США и имперского глобализма в целом), утверждают, что *«внешнее и видимое более фундаментально, чем внутреннее и невидимое»*.

Поскольку разум от природы есть *tabula rasa*, важно то, что случается с организмом, важны внешние воздействия, а не организм сам по себе.

Далее Олпорт говорит о том, что его беспокоит больше всего — да, честно говоря, и меня тоже: тут мы сходимся.

«Даже мотивацию, которая кажется самым центральным и спонтанным феноменом личности, [сторонни-

ки Локка] рассматривают как некое влечение, возникающее в ответ на периферические изменения, приводящие к избытку или недостатку стимуляции в полостях тела. Чтобы объяснить мотивы более сложным образом, [сторонники Локка говорят], что поведение, побуждаемое влечениями, в результате выработки условных связей сменяется поведением, побуждаемым раздражителями. Причина же тем не менее остается внешней по отношению к организму».

Поясняю, что именно утверждает Олпорт.

Он утверждает, что даже в основу самой ее величества человеческой мотивации сторонники Локка кладут влечения. Влечения — это энергетические подталкивания к чему-то такому, что необходимо сделать для того, чтобы снять напряженность, порожденную голодом, жаждой, дефицитом кислорода, дефицитом воздуха и близким по фундаментальности ко всему этому необходимостью продолжения рода (пресловутый секс).

Иногда к этому добавляется агрессия, цель которой — разрушение. Тогда говорится о влечении к жизни и влечении к смерти.

Что же касается перехода от влечения к раздражителю, то если вас кормить и звонить в колокольчик (знаменитый пример академика Павлова), то вы на колокольчик, то есть на раздражитель, будете реагировать как на влечение к самосохранению через питание, оно же — голод.

Значит, есть только напряженности, которые нужно снять. И они в простейших случаях вызваны влечениями (к самосохранению, агрессии), а в самых сложных — прочно связанными ассоциативным способом с этими влечениями раздражителями (например, колокольчиком, связанным с голодом, который надо удовлетворить во имя самосохранения).

Олпорт пишет:

«Принципы обусловливания (то есть условных рефлексов, обеспечивающих возможность заменить простое влечение тем, что предъявляют на его месте в качестве чего-то якобы сложного — С. К.) были открыты Павловым в России, но рвение, с которым их подхватили и развили американские психологи, является показателем того, что они созвучны преобладающей у нас (то есть в США — С.К.) локковской традиции. Обучение рассматривается как замещение одного стимула другим или одной реакции — другой. Зона между стимулом и реакцией (в эту зону Лейбниц «помещал» интеллект) считается маловажной или незначимой».

Понятно, что в зоне между стимулом и реакцией находится собственная активность, теснейшим образом связанная для Лейбница с интеллектом.

Понятно также, что если всё, что находится в этой зоне, является малозначимым, то не только интеллект, но и собственно активность — это то, чем можно пренебречь.

Олпорт обращает внимание на еще одно свойство эмпиризма (и сенсуализма) Локка:

«Эмпиризму Локка присущ еще один постулат: малое и молекулярное («простые идеи») более фундаментально, чем большое и молярное («сложные идеи»). Сегодня личность рассматривается как взаимосвязь рефлексов или свойств. <...> Верхним уровням иерархии [свойств] уделяется мало внимания. Внимание большинства психологов, работающих в области обучения и развития, поглощено именно уровнем элементарных навыков».

Что означает это заявление высоко-статусного американского психолога, обласканного элитой США, имевшего все высшие регалии?

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–7

Оно означает, что благодаря Локку и триумфальному шествию по западному миру его школы, вся сфера человеческого обучения и человеческого развития (вдумаемся, даже развития!) находится под контролем тех, кто сводит это обучение и развитие к элементарным навыкам. Ну так они и сводят! Не надо удивляться тому, что делает наше Министерство образования. Оно что-то копирует и понятно, что именно — локковский подход к образованию и развитию как к чему-то, накрепко связанному с уровнем элементарных навыков.

Бороться надо не со следствиями, а с тем, что их порождает. Если их порождает школа Локка, то это значит, что вначале надо выявить эту связь школы Локка с образованием, а потом опереться в моделировании и осуществлении образования (а также развития) на альтернативную школу с альтернативным представлением о человеке.

Олпорт не останавливается на таких рискованных констатациях и порожденных ими выводах. Он пишет:

«Преобладание внимания к молекулярным единицам (то есть к простейшему, малому — С. К.) приводит к уверенности в эквивалентности видов. Считается, что любое базовое человеческое свойство может быть без существенных потерь изучено на низших видах. Ведь человек — животное. <...>

Еще одно положение, присущее эмпиризму Локка: более фундаментально то, что появилось раньше в ходе развития. Важны ранние отпечатки на воске разума. <...>

*Этот тип генетизма прочно удерживает власть в американской психологии (я говорю о генетизме не как о врожденной или конституциональной предрасположенности, а как о раннем научении). Придерживаясь доктрины *tabula rasa*, американский генетизм [с его приоритетом раннего научения] подчеркивает важность научения и обусловливания в раннем детстве (то есть тогда, когда человеческое еще не сформировано до конца — С. К.)».*

Как утверждает один из столпов американской уважаемой психологии, эта точка зрения «создает значительные трудности для теории развития и изменения личности».

Олпорт утверждает также, что локковская традиция считает методом только то, что основано на таких регистрациях, которые близки к регистрации светового или звукового импульса. А значит, богатство человеческой жизни в пределах локковской традиции обнуляется — ведь его нельзя измерить так, как измеряют световые или звуковые импульсы с помощью какого-то датчика.

Называя такое ответвление локковской традиции позитивизмом, Олпорт утверждает, что позитивистские пристрастия к точным замерам порождены не только стремлением позитивистских психологов подражать представителям точных наук.

Он выделяет три предпочтения, ярко представленные в рамках локковского позитивизма.

Первое предпочтение — это предпочтение, согласно которому всё внешнее важнее всего внутреннего.

Второе предпочтение — это предпочтение, согласно которому отдельные элементы важнее целостной структуры.

Третье предпочтение — это предпочтение, согласно которому идея «генетизма» и пассивного (реактивного) организма важнее, вернее, правдивее, эффективнее идеи организма спонтанного и активного.

Обнаружение американским психологом, далеким от диссидентства, этих предпочтений, и особенно третьего, для нас является крайне важным. Потому что достаточно обнаружения даже этих трех предпочтений, чтобы понять, что день грядущий нам готовит, коль скоро он станет

днем американского формального и содержательного господства над миром.

Сторонники Локка предпочтут реактивный пассивный тип личности — типу личности спонтанному и активному.

В этой связи я еще раз вынужден объяснить, почему мне так важен Олпорт. Потому что он американец, и американец высокостатусный, уважаемый, осторожный, боящийся перейти в разряд диссидентов, что в Америке делается очень просто.

Поэтому вновь слово Олпорту:

«Лейбницевская традиция [противоположна традиции локковской], наоборот, утверждает, что человек — это не набор действий и не просто локус (место) действий, [для представителей лейбницевской традиции] человек — это источник действия. И сама активность понимается [представителями лейбницевской традиции] не как возбуждение, возникающее в ответ на внутреннюю или внешнюю стимуляцию. Она [для представителей лейбницевской традиции] целенаправленна. [А еще представители лейбницевской традиции считают, в отличие от представителей традиции локковской, что для того] чтобы понять, кем является человек, всегда необходимо обратиться к тому, кем он может стать в будущем, ибо на каждом его актуальном состоянии лежит печать будущих возможностей».

Понятно, что здесь утверждается?

Что если человек — это воск, на котором делаются отпечатки, то самые мощные отпечатки делаются на наиболее пластичном воске раннего детства. И если есть только отпечатки, то мощнее, а значит, и влиятельнее всего отпечатки раннего детства.

А если нет этого воска, то есть, точнее, внутри него есть еще и нечто упругое (потому что воск, конечно же, есть), то важнее всего это упругое, а оно прорастает со временем... И источник этого прораста-

ния — спонтанная активность личности, а не ее пассивная реактивность. Никто в принципе не отрицает особого значения раннего детства. Весь вопрос в том, сводится всё к его значению или не сводится. Если есть центр спонтанной активности, то он и есть нечто несводимое к раннему детству. Потому что отпечатки сильнее всего в раннем детстве, а центр спонтанной активности укрепляется вместе с движением в будущее. И на определенной стадии этого укрепления, он, если он существует, преодолевает любые отпечатки раннего детства, любые так называемые роковые травмы раннего детства. Он всё преодолевает, если он есть и если есть развитие как его всё большее и большее укрепление.

XXXVI

Исследуя традицию такого лейбницевского отношения к личности и судьбе, Олпорт называет источниками этой традиции, во-первых, «энтелехию» Аристотеля, во-вторых, «интенцию» Фомы Аквинского.

Аристотель — это величайший из древнегреческих философов, ученик Платона (родился в 384 году до нашей эры, умер в 322 году до нашей эры) (рис. 23).

Тот же Лейбниц считал, что всё, созданное после Аристотеля, образно говоря, в подметки не годится всему, что было создано при жизни этого замечательного философа, учителя Александра Македонского.

Но нас интересует не Аристотель как таковой, а его энтелехия. В философии Аристотеля энтелехия — это внутренняя сила, заключающая в себе внутреннюю цель и окончательный результат.

Примером энтелехии, который чаще всего приводят, является та сила, благодаря которой из грецкого ореха вырастает дерево.

Энтелехия, по Аристотелю, во многом тождественна энергии и представляет собой реализацию заложенных способностей и возможностей.

Рафаэль. Афинская школа (Платон и Аристотель). 1510–1511 гг.

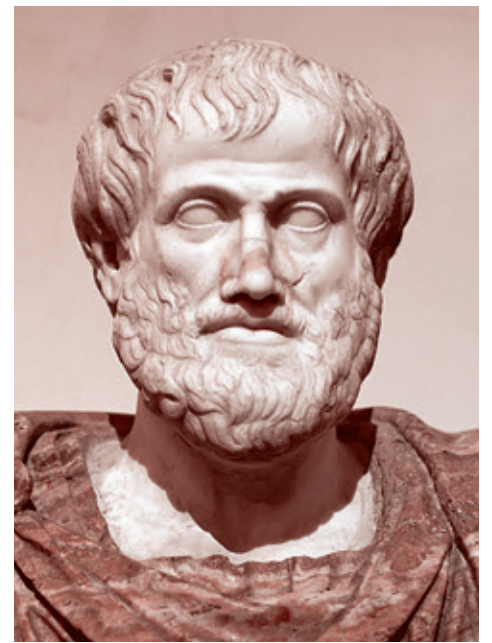

Рис. 23. Бюст Аристотеля, римская копия оригинала Лисиппа

Исходя из этого, Аристотель утверждал, что материя — есть потенция, а форма — это энтелехия. Аристотель утверждал, что душа или жизнь (то есть то, в силу чего человеческое существо живо) — это первая энтелехия природного тела, способного к жизни. Душа есть сила, действующая посредством тела, а тело — орудие души.

Теперь о Фоме Аквинском. Это один из самых великих западных средневековых религиозных философов. Он родился в 1225 году и умер в 1274 году (рис. 24).

Это итальянский учитель церкви, основатель учения, именуемого томизмом. Это средневековый философ, который сумел связать христианское вероучение с философией Аристотеля. Согласно Фоме Аквинскому, все психические процессы представляют собой восходящую лестницу. Естественно, что средневековый религиозный философ считал, что эта лестница восходит к богу, но то, что эта лестница психических процессов восходит, важнее того, куда она восходит. Потому что для школы Локка она нигде не восходит, да и не является, по большому счету, никакой лестницей с относительно самостоятельными ступенями, высшие из которых важнее низших.

Для того чтобы имела место та лестница психических процессов, которая в локковской традиции отсутствует, нужна, согласно Фоме Аквинскому, интенция, она же — направленность сознания на объект. Именно интенция для Фомы Аквинского связывает между собой психические структуры различного уровня и подымает душу от простейших влечений к познанию высшего смысла.

Интенция противопоставляется влечению, потому что она представляет собой стремление к осуществлению чего-то задуманного, то есть связана с замыслом. Может быть речевая интенция, то есть намерение осуществить речевой акт, коммуникативная интенция. У Фомы Аквинского интенция и выбор — это два элемента свободного и нравственного акта воли, притом что направление этому акту задает разум.

Интенция — это вкладывание души в то, что ты делаешь.

В иудаизме считается, что без интенции, она же — «кавана», то есть направленности, вкладывания души, молитва превращается в механический набор слов. Иначе говоря (цитирую иудейские авторитеты), молитва без «каваны» — это тело без дыхания.

Вкладывание души в действие — вот что такое интенция. И это справедливо отнюдь не только для иудаизма.

Так же понимают интенцию в исламе, где ее называют «ният».

Что касается христианства, то там вкладывание души в молитву, в осуществляемое благое дело, как раз и называют интенцией.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Рис. 25. Неизвестный художник. Предположительно, Барух Спиноза. 1670 г.

Протягивая линию традиции от Аристотеля, а значит, и от Сократа с Платоном, к Фоме Аквинскому, Олпорт предлагает в качестве следующей вехи на этом пути учение одного из главных представителей философии Нового времени — великого нидерландского философа Бенедикта Баруха Спинозы (родился в 1632 году, умер в 1677 году). (рис. 25)

О конатусе, то есть усилиях, импульсе, намерении, склонности, тенденции, попытке, стремлении, помимо Спинозы говорили те же Декарт и Лейбниц, а также многие другие. Речь идет о врожденной склонности к самосовершенствованию.

Следующей вехой на данном пути является для Олпорта система воззрений австрийского философа Франца Brentano (родился в 1838 году, умер в 1917 году).

Именно Brentano ввел понятие интенциональности в современную философию. (рис. 26)

Brentano утверждал, что «всякий психический феномен характеризуется посредством того, что средневековые схоласты называли интенциональным»...

Объясняя, что такое для него интенциональность, Brentano говорит, что интенциональность (то есть направленность) чего угодно: представления, суждения, любви, ненависти — заключается в том, что «в представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви любится, в ненависти ненавидится».

Обсуждая вклад Франца Brentano, Олпорт пишет: «Франц Brentano утверждал, что в каждый момент времени человеческий разум активен и целенаправлен — он непрерывно занят суждениями, сравнениями, пониманием, любовью, желанием, избеганием. Для Brentano моделью разума служило действительное участие (active parteciple)».

Напоминаю, что есть причастия действительные и страдательные. Причем действительное — это, например, ведущий, а страдательное — ведомый. Действительное — движущий, страдательное — движимый.

Олпорт настаивает на том, что лейбницевская традиция, идущая от энтелехии Аристотеля к Фоме Аквинскому, от него — к Спинозе, от Спинозы — к Лейбницу, от Лейбница — к Канту, от Канта — к Brentano, а от Brentano — к Гуссерлю, Шеллеру, гештальт-психологии, Вунду, Герберту, фон Эренфельсу, когнитивным психологам — крайне авторитетна и ничуть не менее представительна, нежели традиция локковская.

Рис. 24. Карло Крибелли. Фома Аквинский. Ок. 1475 г.

XXXVII

Я не могу, к сожалению, даже кратко останавливаться на каждом из названных мною здесь постбrentановских представителей этой традиции и каждом направлении. Мне крайне важно показать, что они есть и что о наличии и авторитетности этой традиции говорит американский психолог.

Но еще важнее другое. То, что и энтелехия, и интенция, и вообще любая несводимость человечности к «чистому листу» Локка неизбежно задействует четвертый этаж. И не просто четвертый этаж как вместилище каких-то уваливаний, а четвертый этаж как активный смыслоэнергетический центр.

Для того чтобы моя позиция не выглядела психологическим самостроком, я вновь обращаюсь к Олпорту, который особо поражен тому, что даже мотивация у сторонников локковской традиции сводится только к снятию напряжения.

Поясню, что такое снятие напряжения. Вы испытываете голод, жажду, удушье, ощущаете во всем этом угрозу вашему гомеостазу, то есть существованию. Как вы это ощущаете? Прошу прощения за определенное упрощение, но в общем-то вы это ощущаете потому, что дефициты неких ресурсов: питания, питья, воздуха — отражаются в функционировании организма. Нарушения тех или иных параметров этого функционирования регистрируются периферийными датчиками, сигналы подаются в центр и, в конечном счете, предстают в виде почти что электрического сигнала, который почти что можно измерить. Говорю «почти

что», чтобы все-таки не слишком упрощать, но хочу подчеркнуть, что я не так уж и упрощаю.

Величина этого как бы электрического сигнала и есть напряженность. Понимая, что чем величина больше, тем больше угрожает вашей жизни, вы должны эту напряженность снять. Все ваши операциональные системы устроены так, чтобы добиться этого снятия. Вы наелись — напряженность снизилась, и вам хорошо. И вам тем лучше, чем больше она снизилась. А также вам тем хуже, чем больше она повысилась. Для вашей гомеостатичности, для вашей равновесности, а они ведь обязательно есть, критерием должного состояния является снятие напряжения, а критерием тревожного, опасного состояния, которое надо погасить, является рост напряженности. Соответственно, все ваши удовольствия этого типа — это снятие напряженности. То же самое в сексуальной жизни, которой биологизаторы придают решающее значение, но наличие которой никто не отрицает. Итогом полового акта является снятие напряженности, а побуждением к нему — рост напряженности. То же самое с агрессией.

Некая школа Локка в том виде, в каком она описывается Олпортом, а это очень интересное представление о школе, хотела бы свести всю человеческую мотивацию к снятию напряжений, избеганию боли и дискомфорта, избеганию напряжений, связанных с желаниями, которые надо осуществить.

Продолжение на стр. 10

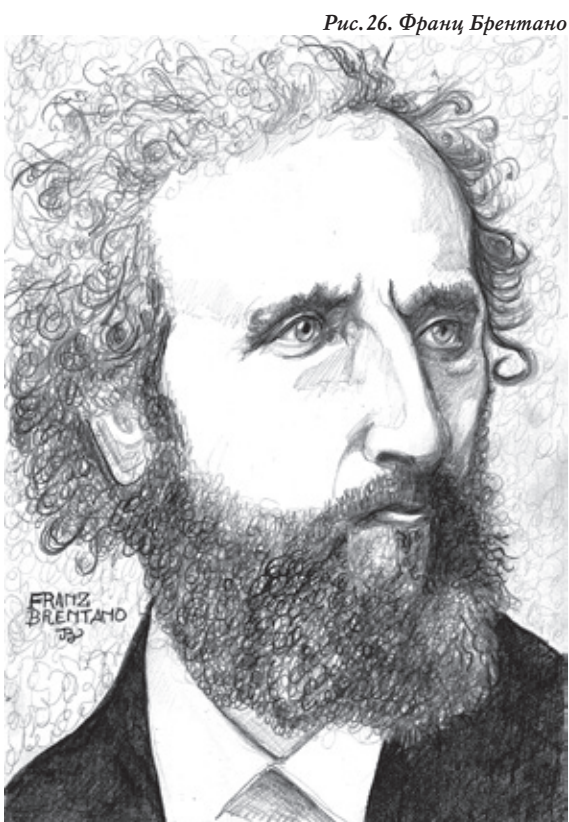

Рис. 26. Франц Brentano

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–9

Руаль Амундсен во время экспедиции на Южный полюс

Руаль Амундсен в своем кабинете. 1910 г.

И совершенно ясно, что в каждом человеке есть его субличность, которая соткана из суммы потребностей в снятии напряженности. Но есть ведь и другая субличность. Когда субличностей много, это, как говорится, не есть хорошо. Но такая субличность должна быть обязательно.

Назовем эту субличность, сотканную из суммы потребностей в снятии напряжений, Дельтой. Дельту можно прибавить к любому имени (Дельта-Таня, Дельта-Люба) или к любой фамилии. У каждого, повторяю, есть своя Дельта, стремящаяся к гомеостазу, не отменяемому в случае, если речь идет о физическом выживании и других простейших элементах существования.

Но сводится ли всё к Дельте и ее производным в виде более усложненных удовольствий, которые тоже нужно достигать через снятие более усложненных напряжений?

Для сторонников локковской традиции в ее олпортском понимании всё сводится к Дельте. И для Фрейда это так, и для очень многих. Удовольствие — это снятие напряжения. Вся мотивация человека есть реализуемое стремление к снятию напряжения.

Так что же, в человеке нет ничего, кроме Дельты? Для последователей Локка — да.

А для других?

Олпорт пишет: «Во многих отношениях эта [локковская] модель человеческой мотивации неоспорима. Ничто не может быть более очевидным, чем тот факт, что наши влечения (нужда в кислороде, пище, сексе) представляют собой настоящую потребность в снижении напряжения. Но чем больше мы размышляем о сути дела, тем сильнее начинаем подозревать, что занимаемся только одной половиной проблемы. <...> Нам известны надежные способы снятия напряжения, но мы также отбрасываем старые привычки и идем на риск в поисках новых линий поведения».

Далее Олпорт формулирует свою очень важную для нас, хотя и достаточно очевидную мысль.

Развитие, говорит он, осуществляется только через риск и изменение. Но риск и изменения чреватые новыми и часто неизбежными напряжениями, избегать которые мы считаем ниже своего достоинства...

Олпорт признает, что многие психологи игнорируют данное очевидное обстоятельство. Он объясняет это тем, что этим психологам «больше нравится простая

Члены экспедиции Амундсена, открывшие Южный полюс. Март 1912 г.

теория мотивации [основанная на снятии напряжения] <...> Согласно этому подходу... мотивация предполагает одно и только одно присущее организму свойство — предрасположенность действовать (на основе инстинкта или научения) таким образом, чтобы как можно более эффективно снимать напряжение, ведущее нас к поиску равновесия, отдыха, приспособления, удовлетворения или гомеостаза. С этой точки зрения, личность — не более чем наши привычные способы редуциции напряжения. Конечно, эта формулировка полностью соответствует исходной предпосылке [локковского] эмпиризма относительно того, что человек является по природе

пассивным существом, способным только получать впечатления от внешних раздражителей и отвечать на них».

Далее Олпорт еще больше развивает альтернативную, важную для нас точку зрения, согласно которой субличность Дельта — это далеко не вся наша личность. Олпорт настаивает на том, что сторонники антилокковских, то есть лейбницеvских взглядов «утверждают, что формула [снятия напряжений], будучи применимой к разрозненным и сиюминутным приспособлениям, терпит неудачу при попытке понять природу собственных стремлений. Они [лейбницеvцы] указывают, что для собственных стремлений характерно сопротивление равновесию (выделено мною — С.К.): напряжение скорее поддерживается, чем снижается».

Сформулировав это важнейшее для нас общее положение, Олпорт далее приводит столь же важный для нас пример. Разбирая биографию известнейшего полярного исследователя, норвежца Руаля Амундсена (рис. 27) (открывателя Южного полюса, человека, которого называли «Наполеоном полярных стран», родившегося в 1872 году и погибшего при спасении полярников в 1928 году), Олпорт пишет:

«В своей биографии Руаль Амундсен рассказывает, что в пятнадцатилетнем возрасте им овладело страстное желание стать полярным исследователем. Препяды к исполнению этого желания казались непреодолимыми, и велик был соблазн снизить порождаемое ими напряжение. Но собственное стремление было весьма настойчивым. Каждый

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

успех приносил ему радость и одновременно повышал уровень его стремления, поддерживал его главную задачу. Пройдя северо-западным проходом из Атлантического в Тихий океан, он предпринял тяжелую экспедицию, завершившуюся открытием Южного полюса. Затем он годами планировал и вопреки крайним трудностям совершил трансарктический перелет. Свою миссию он выполнял без колебаний до конца жизни (он погиб в Арктике, спасая экспедицию менее талантливому исследователю Нобиле). Он не только непрерывно придерживался одного стиля жизни, но его главная миссия позволила ему выдержать соблазны снизить отдельные напряжения, постоянно порождаемые усталостью, голодом, насмешками и опасностью.

Здесь мы лицом к лицу сталкиваемся с нашей проблемой. [Локкианская] психология... споткнется и потеряет определенность при встрече с аспектами личности (любой личности!), похожими на собственное стремление Амундсена».

Это утверждение Олпорта равносильно в нашей терминологии тому, что кроме субличности Дельта, есть еще и субличность Альфа. И что у таких, как Амундсен, субличность Альфа полностью подчиняет себе субличность Дельта.

Говоря о том, что такие аспекты личности (мы называем это субличностью Альфа), формируются только в условиях риска и амундсеновского отношения к напряжению, Олпорт далее пишет:

«Вернемся к примеру Амундсена. С пятнадцати лет он начал неуклонно двигаться к далекой цели, но это не означает, что всю свою жизнь он пытался снять напряжение, вызванное чтением книг исследователя сэра Джона Франклина. Подобная казуистика пренебрегает тем фактом, что в течение десятилетий он боролся со всеми соблазнами расслабления, получения немедленного удовлетворения... он боролся с побуждениями, вызванными усталостью, унынием, насмешками людей... Он обнаружил, что спасение придет к нему только в том случае, если он будет непрестанно побуждать себя к действию [связанному с наращиванием, а не снятием напряженности]».

XXXVIII

Только теперь я могу собрать воедино все элементы той сложной конструкции или все темы той политико-аналитической симфонии, которая представлена выше.

Потому что только теперь я могу поставить простой вопрос, опираясь на авторитетные слова таких людей, как Олпорт, — людей, не относящихся к разряду экстазников. Олпорт просто фиксирует общеизвестный факт — Амундсен (об этом говорит его личная биография) услышал некий зов и включил свой центр фундаментальной активности. Он же — зов и «жемчужина», о которых я говорил на Зимней школе, он же — расположенное на четвертом этаже устройство, принимающее смыслоэнергетический импульс, о котором я сказал в этом докладе, он же — интеллект Аристотеля, он же — интенция Фомы Аквинского, он же — конатус Спинозы.

Что включило это начало у Амундсена? Прочтение биографии английского мореплавателя, исследователя Арктики, контр-адмирала, путешественника Джона Франклина (родился в 1786, умер в 1847). Тут дело не в суждениях Олпорта. Амундсен сам пишет об этом в своей биографии.

Итак, Амундсен прочитал биографию Франклина, у него включился некий центр, который я только что называл самыми разными именами. Этот центр начал работать, субличность Дельта, которая у Амундсена существовала, как и у всех людей, оказалась подчинена формирующейся за счет работы этого центра субличности Альфа.

Рис. 27. Руаль Амундсен. 1912 г.

Южный полюс открыт! 14 декабря 1911 г.

Эта Альфа подчинила себе Дельту навсегда. И Амундсен совершил то, что он совершил. Прожил ту судьбу, которая следовала из его, Амундсена, интеллекта, конатуса и так далее.

Начинаю проводить простую аналогию.

Вместо биографии Джона Франклина собравшиеся в этом зале просмотрели (а потом, возможно, и прочитали) то, что называется «Сутью времени». Этот просмотр и это прочтение вполне корректно уподобить прочтению юным Амундсеном биографии полярного путешественника. Мало ли кто читал эту биографию. Зажегся или пробудился — так можно назвать включение центра фундаментальной активности — Амундсен.

Он, говоря словами Высоцкого, глотал книги, пьянея от строк, ему сосало сладко под ложечкой от того, что было написано, ему кружил голову запах арктической борьбы, слетая со страниц пожелтевшей книги Джона Франклина и со страниц других пожелтевших книг. Он начал постигать тайну арктической борьбы, он, разжав мертвые руки Джона Франклина, принял из этих натруженных рук штурвал арктического корабля. Он завладел еще теплым мечом этого самого Франклина и его арктическими доспехами, решил попробовать на вкус настоящей борьбы. Он прорубал этим мечом путь к Южному полюсу, он испытал, что почем. И он мог сказать себе, умирая, что он в жизни не был ни при чем и не наблюдал борьбу свысока.

То есть он прожил настоящей человеческой жизнью, жизнью Альфа.

Потому что жизнь Дельта — это либо жизнь животного, снимающего простейшие напряжения, либо жизнь суррогата человеческой личности, которая превращает простейшие напряжения в чуть более сложные и срывает за счет их снятия цветы суррогатных жизненных удовольствий.

Человек — это только Альфа. А задача глобального миропорядка — убрать эту Альфа или сохранить ее в нацистском варианте. А большинство превратить либо в зверей, снимающих простейшие напряжения, либо в суррогатных людей, снимающих напряжения чуть более сложные.

За счет чего, в сущности, обрушился Советский Союз и коммунизм?

За счет того, что при так называемом развитом социализме, а, в общем-то, еще раньше, стали создавать советский вариант суррогатного человека, советского мещанина-потребителя, советскую личность, в которой субличность Дельта подчинила субличность Альфа.

Что значит искупить такое преступление, породившее такие последствия?

Это значит действительно обнаружить, выявить, напитать, взрастить в себе Альфу, выдержать бой с Дельтой и подчинить Дельту Альфе однажды и навсегда.

Так вот, если мы говорим об искуплении и понимаем цену красному следу, если мы действительно серьезно относимся к СССР 2.0, к коммунизму 2.0, к Красному проекту, проекту «Сверхмодерн», то чем борьба за всё это отличается от арктических борений Амундсена? Чем знакомство с «Сутью времени» отличается от знакомства Амундсена с биографией Джона Франклина?

Я утверждаю, что нет никаких отличий. Но Амундсен выдержал бой своей Альфы со своей Дельтой и подчинил свою Дельту. После чего стал настоящим Амундсеном. А Ульянов, сделал то же самое, стал Лениным. А Джугашвили, сделал то же самое, стал Сталиным.

Все ли из здесь собравшихся могут сказать, что они до конца подчинили свою Дельту своей Альфе?

Сергей Кургинян

Четвертый этаж (окончание). Мост через пропасть

Заключительный доклад на Летней школе «Суть времени».
Александровское, 23 июля 2016 года

XXXIX

Момент № 1. До тех пор, пока на четвертом этаже будет находиться приемник метафизических импульсов, который я уподобил простейшему организму или, точнее, простейшему сверхорганизму, все сигналы, которые этот приемник передает вниз (причем сигналы, идущие по травмированным каналам), не дадут Альфе настоящей энергии. И тогда Альфа не победит Дельту. Значит, нужен другой приемник и другие каналы. У Амундсена это всё было применительно к его целям. И у Ленина это было, у Сталина, у Дзержинского, у Камо.

Момент № 2. Не будет такого приемника до тех пор, пока нет центра личности. А центр личности формируется из некоего

вещества, которое называется «барьерин». Это вещество даруется человеку тогда, когда он берет барьер, то есть преодолевает себя, совершает невозможное, пусть даже это невозможное находится близко к возможному. Но всё равно оно должно являться невозможным сегодня и становиться реальностью завтра. Преодолеет элементарное заикание (что, кстати, очень трудно) — получил сколько-то барьерина, он же — трансформационная энергия. Пошлай его в центр личности и лепи из него этот центр, который и будет Альфой.

Момент № 3. Ты ничего не сделаешь, если быстро не выстроишь синергийные, то есть прочнейшие коммуникации с другими товарищами по начинанию. Ты хоть пальцы искусай, но построй эти коммуника-

ции. И это должна быть не фальшивка, а синергия, то есть энергетически мощная связь с другими. Как говорилось в «Скифах» Блока, «Товарищи! Мы станем — братья!». Так вот, надо не становиться, надо быть.

Момент № 4. Ларечному бытию надо противопоставить аристократический аскетизм. А страху перед потерей нормативной и желанной тягостной реальности — новое бытие. Нельзя приспособлять работу в организации к прежнему бытию, прежним поведенческим программам и так далее. Нужен настоящий исход и новые принципы существования в новых условиях. Но эти принципы должны быть аристократическим аскетизмом, а не люмпенским бомжеподобным прозябанием. Исход должен быть исходом в аристократический ас-

кетизм — в бытие, наполненное реальным военным духом, пронизывающим каждую клетку жизни.

Момент № 5. Надо всё время яснее и яснее видеть, осязать, возвращать, формировать, укреплять, очищать то, что можно назвать своей настоящей ценностной базой или своей настоящей ценностной почвой.

Нельзя сражаться с Дельтой, не опираясь на такую почву, которая постоянно ускользает и которую надо нащупывать, наращивать, укреплять тоже постоянно. Это не имеет отношения к пустопорожней болтовне, это делают так, как копают окопы, зная, что на тебя утром пойдут танки и если окоп у тебя будет плохой, то твою плоть наматает на гусеницы.

Хельмер Хансен и Руаль Амундсен определяют свои координаты на Южном полюсе. 14 декабря 1911 г.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Рис. 28. Константин Сергеевич Станиславский

Теодор Киттельсен. Пер Гюнт в пещере Горного короля. 1913 г.

Момент № 6. Надо нащупать и с корнем вырвать из себя то, что является настоящим содержанием пресловутого эгоцентризма. Ведь никто не хочет задумываться над смыслом слова «эгоцентризм». Считаю, что не над чем задумываться. Мол, эгоцентризм — это крайняя форма эгоизма, а эгоизм — это себялюбие. На самом деле это не так. Эгоцентризм, в буквальном смысле этого слова, совпадающем в данном случае с его сокровенным смыслом, — это эго, помещенное в центр, вокруг которого, как планеты вокруг солнца, вращаются все жизненные содержания. Такое построение личности, а на самом деле — фиктивный конструкт, скрывающий отсутствие личности, превращает все жизненные содержания в сцены, на которых разыгрывается спектакль моего эго.

XL

Человек теряет способность обретения любого подлинного содержания, потому что какое бы содержание ни появилось, оно сразу же превращается в придаток эго.

Назовите любое содержание — например, то, которое стоит за словосочетанием «СССР 2.0». Что с этим содержанием вытворяет эгоцентризм? Он превращает это содержание в придаток Я. И вместо содержания под названием «СССР 2.0» появляется псевдосодержание под названием «Я и СССР 2.0».

Вместо содержания, стоящего за словом «наука», появляется содержание «Я и наука».

Вместо содержания, стоящего за словом «искусство», появляется содержание «Я и искусство».

Все содержания превращаются тем самым в некие украшения, которые навешиваются на то, что является единственным настоящим содержанием, то есть на это самое эго, оно же — Я.

Великий русский режиссер и философ Константин Сергеевич Станиславский (рис. 28) очень четко это улавливал. А поскольку ему надо было находить емкие формулировки для того, что он улавливал, и воздействовать этими формулировками на своих учеников, то он довел описанную мной трансформацию содержания в конструкцию «Я и содержание» до очень емкой формулировки.

Она такова: «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве».

Еще более беспощадно это сформулировал Николай Васильевич Гоголь (рис. 29) в своих «Выбранных местах из переписки с друзьями». Сказав своему адресату «Монастырь ваш — Россия!», Гоголь далее продолжает: «Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней. Она зовет теперь сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит и раздаётся крик ее душевной болезни».

Пер Гюнт, герой одноименной поэмы Генрика Ибсена (рис. 30), всё время хочет только одного — быть самим собой. Он постоянно говорит об этом, и ему об этом тоже постоянно говорят. Вот несколько наиболее ярких примеров:

*О чем и помышлять мужчине,
Чтоб стать самим собой во всем,
Как не сугубо о своем?..*

А вот еще:

*Нестись рекою
Времени, в волне слепой,
Будучи самим собой!
Но собой от века были
Лишь мужчины в полной силе...*

А вот еще:

*Он был велик в работе ежегодной,
В которой он самим собой был весь...*

И еще:

*Но радостно слышать кругом разговор,
Вполне подтверждающий давнее мненье:
Что сеял, то жнешь. Золотое сужденье!
Итак, оставаться самим собой
Во всем, даже в малости надо любой!*

Но вот, наконец, герой, стремящийся быть самим собой, попадает в царство троллей, где его собираются короновать как будущего супруга дочери главного тролля.

Доврский дед, глава троллей, этих мельчайших «мефистофелей», издавающихся над героем, который ищет у них силы, подобно тому, как Фауст искал ее у настоящего Мефистофеля, — рассуждая о различии между человеком и троллем, формулирует это различие так: мол, в мире людей говорят:

«Самим будь собой, человек!»

А в мире троллей, говорят, действует скорректированная, так сказать, заповедь:

«Троль, будь доволен собою самим!»

Доврский дед, этот аналог Мефистофеля, формулирует разницу между миром людей, сохраняющих живую душу, и миром троллей именно так.

Сохраняющий живую душу человек должен быть самим собой. А тролль, этот двойник и антипод человека, должен быть самим собой доволен.

Тролли спрашивают Пера Гюнта о том, постигает ли он глубокий смысл этого отличия. Пер Гюнт, уклоняясь от ответа, говорит:

«Что-то туманно».

Доврский дед разъясняет упирающемуся человеку:

*«Доволен собой.
Соль вся в словечке «доволен».
Это словечко девизом возьми!»*

Пер Гюнт чувствует подвох и пытается уклониться. Но Доврский дед настаивает. Он говорит Перу Гюнту, что тот должен добавить к фразе «быть самим собой» слово «доволен». И только взяв своим девизом это «будь самим собой доволен», он может стать владыкой царства троллей.

В своей работе «Национальный вопрос в России» Владимир Сергеевич Соловьев (рис. 31), крупнейший представитель российской религиозной философии второй половины XIX века, пишет: «Личное самозатверждение, победа над эгоизмом не есть уничтожение самого эго, самой личности, а напротив, есть возведение этого эго на высшую ступень бытия».

Александр Блок (рис. 32) в своей статье «Ирония» пишет: «Эту формулу решительно повторяет каждый человек; он неизменно наталкивается на нее, если живет сколь-нибудь сильной духовной жизнью. Эта формула была бы банальной, если бы не была священной».

Любовь — великое чувство. Можно любить родителей и мужа, свою профессию и свою Родину. Или всё это вместе взятое. Можно при этом любить и себя.

Вряд ли окончательное искоренение такой любви к себе возможно в принципе. Да и вряд ли кто-то возьмется утверждать, что оно абсолютно необходимо.

Но есть особая любовь к себе, превращающая тебя в «пуп земли». А всё остальное — в твои игрушки, в статистов и декорации, используемые тобой для спектаклей твоего эго. Такая болезненная любовь к себе умертвляет всё на свете, добавляя ко всему на свете это самое «Я и...».

«Я и СССР 2.0», «Я и моя Родина», «Я и моя профессия», «Я и мои близкие»... Тут ведь только начни и не остановишься. Можно дойти и до таких крайностей, как «Я и моя жертва».

Всё, к чему прибавляется «Я и...», умирает. Тот, кто любит себя по принципу «Я и...», лишается возможности любить что-либо и кого-либо. И в этом смысле становится «троллем» или живым мертвецом.

Можно добавлять это «Я и...» и к отдельным словам.

Начнешь играть в игру «Я и подлинность» — сущностно умирает подлинность.

Скажешь: «Я и служение», — сущностно умирает служение.

Скажите вы теперь: «Я и метафизика» — сущностно для вас умрет метафизика.

Скажите: «Я и четвертое измерение» — сущностно для вас умрет это самое четвертое измерение.

А также Альфа, Дельта, искупление и всё, что угодно. Стоит только добавить это самое «Я и...» — и всё умирает.

После того, что случилось с Советским Союзом по вине КПСС и при отсутствии активного сопротивления со стороны широких слоев общества, «Я-центризм» (он же — эгоцентризм) стал нормой для очень и очень многих. И не надо заглядывать в словари, дабы расшифровать понятие «эгоцентризм». Надо, повторю, просто взять слово «эго» и слово «центризм». И осознать, что Я, поставленное в центр всего на свете, — это всё на свете с добавлением «Я и...». То есть это — сущностное умирание всего на свете, включая и твое Я.

Если ты не можешь отделиться от своего Я, поставить что-то выше него, то какой «четвертый этаж»?

Продолжение на стр. 14

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 12–13

Сделав свое Я священным, ты теряешь право на священность чего бы то ни было, способного всерьез соответствовать статусу, именуемому «священность», «сакральность».

А поскольку твое Я по статусу своему не обладает правом на священность, то ты даже не обретаешь в виде своей священности это самое Я любимое. Ты просто вообще теряешь священность как таковую. А вместе с ней ты теряешь и метафизику, и четвертый этаж, и энергию, и целостность, и живую жизнь. И уж конечно, то, что я назвал Альфой.

XLI

В своих исследованиях, адресованных представителям движения «Суть времени», я всячески ухожу от любых интеллектуальных построений, которые могут быть расценены как мои сверхценные идеи.

Пусть люди, заведомо необъективные, орут сколько угодно о секте «Суть времени». Я, если бы хотел, мог много раз построить секты и стать их гуру. Когда ты руководишь неформальным авангардным театром, да и любым неформальным коллективом, то это проще простого. Но я ненавижу секты. А еще больше ненавижу тех, кто хочет в них упиваться своим статусом гуру. Поэтому я все свои утверждения подкрепляю интеллектуальными построениями, осуществленными не мной, а крупнейшими отечественными и зарубежными мыслителями, такими, как Макс Вебер, Эрнст Гуссерль, или как минимум крупнейшими научными авторитетами, такими, как Гордон Олпорт.

Я не хочу надувать пузыри собственных сверхценных идей. Это слишком просто и диаметрально противоположно тому, что составляет нашу основную задачу, — формированию страстной и разумной полноценной патристической российской интеллигенции.

По вопросу о так называемом «Я и...» недостаточно, как мне кажется, сослаться на такие величайшие авторитеты, как Гоголь, Ибсен, Соловьев, Блок.

Нужны еще и авторитеты, пусть более скромные по статусу, но имеющие отношение не к искусству и религиозной философии, а к чему-то более приземленному.

Я не знаю, все ли поняли, что предлагаемое здесь к рассмотрению добавление к чему угодно на свете конструкции «Я и...» имеет прямое отношение к тому, что в психологии именуется нарциссизмом.

Есть такой вполне уважаемый научный авторитет — Нэнси Мак-Вильямс. Это наша современница, очень известный американский психоаналитик, доктор философии, бывший президент отделения психоанализа в американской психоаналитической ассоциации, автор нескольких книг, переведенных на многие языки мира.

Она, что называется, звезд с неба не хватает, но дает очень точные определения. Одно из них касается нарциссизма. По мнению Нэнси Мак-Вильямс, личность, которая загоняет себя в ловушку нарциссизма, занята на самом деле всего лишь настойчивой организацией самоуважения путем получения подтверждения со стороны. То есть человек, по мнению Мак-Вильямс (которой в данном случае можно верить), добавляет ко всему на свете это самое «Я и...», потому что ему нужно получать подтверждения его самоуважения со стороны посторонних. И он говорит посторонним: «Вот, смотрите: я и это, я и это... Поняли, как вы?»

Мак-Вильямс утверждает, что загнанные в такую ловушку люди не просто чувствительны к критике или похвалам: очень многие чувствительны к тому и к другому. Для Мак-Вильямс попавшие в обсуждаемую нами ловушку люди «забочены тем, как они воспринимаются другими, [потому что] испытывают глубинное чувство, что они обмануты или нелюбимы».

Рис. 30. Генрик Ибсен. 1898 г.

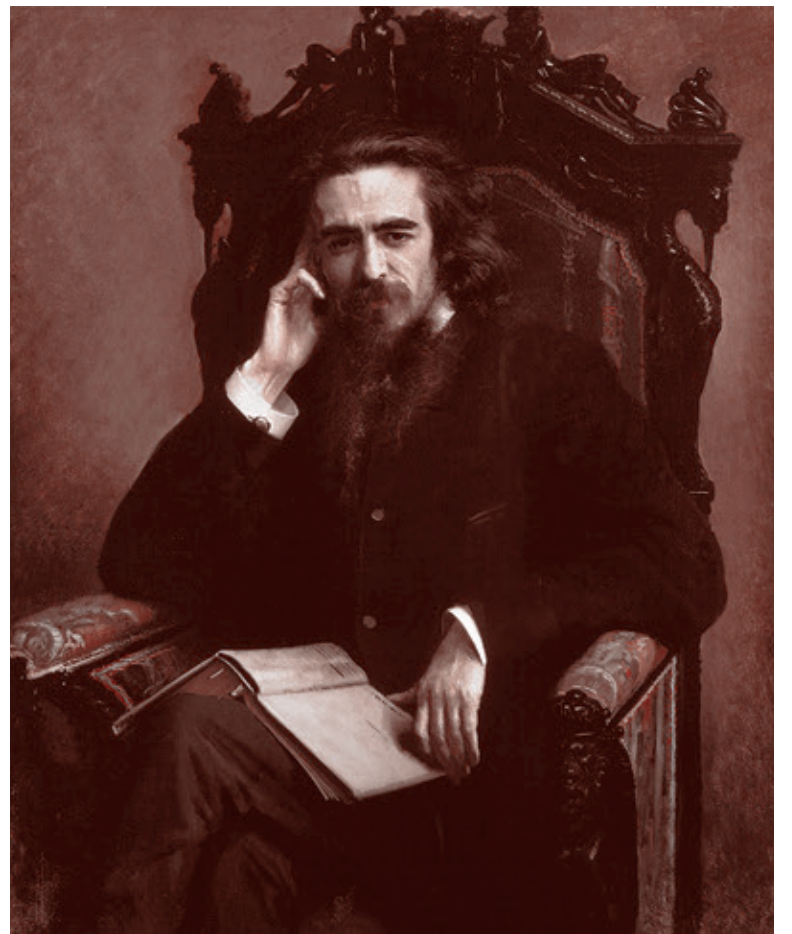

Рис. 31. Н. Крамской. Портрет Владимира Соловьева. 1885 г.

Мак-Вильямс отрицает связь подобной ловушки с нормальным детским чувством собственной грандиозности. Нет, говорит она, тут речь идет о компенсации ранних и очень глубоких разочарований во взаимоотношениях. То есть о недолюбленности и неспособности ответить любовью на любовь, что и порождает ощущение обманутости и нелюбимости, о которых говорит Нэнси. Мак-Вильямс резко разделяет чувство вины и стыд, утверждая, что чувство вины — это сознание, что ты поступил действительно плохо. А стыд — это чувство, что ты воспринимаешься плохим и что причина такого восприятия тебя в том, что к тебе относятся как к плохому. Ну так надо, чтоб к тебе относились иначе.

Мак-Вильямс утверждает, что люди, которые попали в эту ловушку, одержимы страхом почувствовать стыд. Что речь идет о постоянном стремлении контролировать мнение окружающих о себе, о постоянном стремлении обесценить всё на свете, идеализируя при этом то, что ассоциируется с Я. К этому Я надо пристегнуть что-нибудь идеальное. Когда это идеальное пристегнуто к Я, оно кажется ужасно значимым. Но когда оно отстегивается от Я, оно становится ничтожным. При этом грань между ужасно значимым и ничтожным очень тонкая и полностью определяется возможностью того, что расценивается то как ужасно значимое, то как ничтожное, поддерживать твою значимость в глазах окружающих. Все остальные аспекты того, что пристегнуто к твоему Я, меркнут.

Нэнси пишет о людях, попавших в эту ловушку: «Их потребность в других велика, но любовь к ним поверхностна». Но ведь то же самое может касаться не только «других», это может касаться чего угодно.

И как при этом исполнить рекомендации Гоголя, Ибсена, Соловьева, Блока? Их же невозможно исполнить, если ты прикован к собственному Я, как раб к галере. Прикован цепью «Я и...», превращающей твою жизнь в морок.

Такое «Я и...» именуется «нарциссическим придатком». Таким придатком может являться что угодно, в том числе и коммунизм.

«Я и это» может быть еще названо нарциссическим зеркалом. Такое название дается потому, что «это» является для Я зеркалом, в котором Я видит только самого себя.

Вывод из того, что мною представлено на ваше рассмотрение в связи с обсуждением проблемы «Я и...», очевиден.

Поймите врага в ловушку нарциссизма, сделайте нарциссизм массовым — и враг никогда не обретет по-настоящему смысл, силу и компетентность. Потому что он будет заниматься играми под названием «Я и смысл» — убивая смысл, «Я и сила» — убивая силу, «Я и компетентность» — убивая компетентность.

Иными словами, попавший в ловушку враг окажется не способным к сильной любви, а значит, и к освобождению из этой ловушки. А поскольку преобразует людей только сильная любовь к чему-то, кроме себя, то, значит, никакого преобразования не будет, а следовательно, ни о каком восхождении говорить нельзя.

Часто говорят: «А мы же детей любим». Но тут опять надо рассматривать, имеет ли место любовь, или же в нее вцепляется вирус под названием «Я и мой ребенок», «Я и моя любовь к ребенку». Очень часто такое «Я и моя любовь к ребенку» порождает у ребенка, который оказывается в это погружен, аналогичное «Я и...». В этом смысле нарциссизм заразителен.

Но дело не в клинических явлениях, а в социальных заболеваниях. Нарциссизм стремительно прогрессирует на Западе. Симптомы, проявления нарциссизма обнаруживаются у 10 процентов молодых американцев и у 3 процентов немолодых, а значит, это уже не просто клиника. Или точнее, тут больным становится не человек, а общество, которое, заболевая, заражает отдельного человека.

У ребенка есть фундаментальная потребность любить. Он должен эту любовь куда-то направить. Причем направив ее куда-то, он должен получить адекватный отклик. Если этого отклика нет, то ребенку не остается ничего другого, кроме как направить эту любовь на себя.

Но то, что направляешь на себя, — это уже не любовь. Любовь — это то, что ты отдаешь другим. Без этой отдачи нет любви. А что такое атомизированное общество? Это общество, в котором людей учат не отдавать, а брать. У тебя как представителя этого общества не должно быть другого, должен быть ты сам. То есть должно быть любви как более сильного отношения к другому, нежели твое отношение к себе. Но отношение к себе, повторяю, не есть любовь. Значит, в этом

случае, любви не должно быть вообще. Поскольку ты одинок, и тебе внушают, что это правильно, и у тебя атрофирована отдача другому, то есть любовь, то всё другое превращается для тебя в инструменты подтверждения твоей значимости. Очень важные, пока они способствуют такому подтверждению, и абсолютно теряющие значимость в случае, если они прекращают этому способствовать.

В очень веселой и простенькой советской песне из фильма «Первая перчатка» есть такие слова:

*Во всем нужна сноровка,
Закалка, тренировка,
Умейте выжидать,
Умейте нападать.*

А дальше — главное:

*При каждой неудаче
Давать умеете сдачи,
Иначе вам удачи не видать.*

Фильм «Первая перчатка» вышел в 1946 году, то есть сразу после войны. Простенькая песня формировала определенный, высокоэффективный созидательный тип личности. При этом попадание в ловушку нарциссизма исключает формирование личности этого типа. И понятно почему. Если нечто, например, бокс или любовь имеют значение только в случае, если они поддерживают высокую самооценку, и мгновенно теряют всякое значение, если они эту самооценку не поддерживают или даже опускают, то как продолжать заниматься тем, что в силу твоего даже самого малого поражения сразу потеряло значение?

Вы только вживитесь в эту ситуацию по-настоящему — и поймете, что она относится к разряду тех, про которые говорят «простенько, но со вкусом».

Вас сформировали таким образом, что всё на свете имеет для вас значение лишь по принципу «Я и нечто», то есть по принципу использования всего на свете для поддержания самооценки и оценки окружающих.

Если вас так сформировали — а так постоянно формируют, причем настойчиво, всю постсоветскую молодежь (тут тебе и мультики, и программы, и вся социальная обстановка, и весь опыт взаимодействий), — то в момент, когда что-то ока-

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Рис. 29. Ф. А. Моллер. Портрет Н. В. Гоголя. Начало 1840-х.

Рис. 32. Константин Сомов. Портрет Александра Александровича Блока. 1907 г.

зывается чреватой неудачей, это «что-то» теряет свойства поддержания самооценки и мгновенно обесценивается, и его отбрасывают, как мусор.

Итак, шестым из рассмотренных нами моментов является выкорчевывание этого самого «Я и...», недопущение применения данного добавления, обесценивающего жизнь, в том числе и к тому, что я рассмотрел в этом докладе (то есть к Альфе и прочему).

А также ко всему на свете, включая те идеалы, служение которым, а не самим себе, является определяющим обстоятельством во всем, что касается красного следа, берега и так далее.

XLII

Шесть моментов, которые я уже обсудил, требуют возврата к обсужденной теме «четвертого этажа», четвертого пространственного измерения, метафизики высших смыслов.

О чем, собственно, говорят мои отсылки к таким авторитетам, как Раушенбах, Гинзбург и другие?

Они говорят только о том, что наука вообще и теоретическая физика в частности перестали быть естественным и надежным убежищем атеизма, который я здесь рассматриваю как веру в то, что не существует ничего, кроме реальности, определяемой тремя пространственными координатами и временем.

В XIX веке можно было сказать, что в пределах трехмерного пространства принципиально нет места для инобытия в его религиозном варианте. В XXI веке так сказать нельзя. Потому что в четырехмерном пространстве место для инобытия в его религиозном понимании в принципе существует. И именно на это указывает тот же Раушенбах. Но из наличия места для инобытия не следует наличие этого инобытия и уж тем более из этого не следует, что инобытие должно обладать всем тем, что ему предписано религией (Рай и Ад, ангелы и черти и т. д.). Наука XXI века просто констатирует, что место для инобытия в принципе есть. И она этим ограничивается. Она не говорит, что инобытие есть, и уж тем более не описывает его свойства. Но утверждает, что современная наука описывает отсутствие инобытия, как минимум, некорректно.

Наука перестала быть убежищем такого атеизма или позитивизма. Вот и всё. Никто не говорит, что если четырехмерные трубочки имеют такую-то длину, то можно таким-то образом ухватить такого-то ангела за крыло.

Вера повествует на языке того, какие есть ангелы, какие у них крылья.

Наука таких развернутых описаний не дает и не может давать. Она по определению будет идти от одного незнания к другому, она так устроена. Но никто уже не может ссылаться на ее авторитет, согласно которому мир пространственно трехмерен, а значит, позитивен и так далее.

Не ждите от науки больше, чем она может дать. Но и не рассматривайте ее как авторитетнейшего и надежнейшего свидетеля позитивистской простоты мира. Не является она в XXI веке таким свидетелем, перестала она им быть. Она отплыла от суши, именуемой «несомненная позитивистская простота мира», и никто этого не заметил. Потому что отплывает она медленно, учебные программы консервативны, отплытие состоит из неких точечных заявлений, а не из философских деклараций.

Наука перестала говорить светскому человеку: «Я запрещаю тебе даже помыслить о том, что реальный мир сложнее, нежели система из трех пространственных измерений и времени».

Наука теперь не запрещает светскому человеку думать о более сложном реальном мире, а наоборот, требует, чтобы он это сделал. Но никаких конкретных сведений об этом более сложном мире она не дает.

Метафизичность шире религиозности. Потому что религиозный человек из своих священных книг, в которых описаны значимые для него откровения, узнает о том, как конкретно устроен мир более сложный, нежели тот, о котором говорила прежняя наука.

А метафизика, основанная на новой науке, всего лишь утверждает, что мир сложнее, нежели тот, о котором говорила прежняя наука. А раз он сложнее, то всё возможно. Но что именно реально в плане этой сложности — нельзя узнать из данных самой современной науки, и вряд ли ситуация изменится в обозримом будущем. Но никто не смеет теперь говорить о том, что метафизичность и научность несовместимы, а значит, любая метафизичность — это приверженность утешительным сказкам, которые, увы, полностью опровергнуты самым мощным авторитетом — авторитетом науки.

Так можно было говорить в конце XIX века и даже в начале XX века, но не сейчас.

XLIII

Первый вывод из того, что я изложил в своем исследовании — право на метафизичность для человека, признающего авторитет науки.

Второй вывод. Метафизичность, будучи реабилитированной и будучи несводимой к религии, может быть не только белой, то есть гуманистически религиозной, или черной, то есть антигуманистически религиозной. Есть еще и красная метафизика. Она есть как возможность и как реальность, как великое советское культурное наследие. Не лгите нам, что все красные вне метафизики. Что, Петров-Водкин вне нее? Или он не красный?

Нельзя отдавать метафизику белым и черным. Это, во-первых, нечестно, а во-вторых, политически глупо. Надо отстаивать и развивать советское красное метафизическое культурное наследие. Надо устраивать выставки, концерты. Надо собирать это по крупицам и продвигать дальше. Деметафизация красной идеологии способствовала остыванию советского проекта и его гибели. Реметафизация красной идеологии осуществит нечто прямо противоположное, вернет в мир коммунизм 2.0, СССР 2.0. Но это не произойдет само собой. На это надо работать, и кроме нас работать на это некому.

Третий вывод. Не только метафизический, но и сугубо атеистический коммунизм не могут не быть космическими. Русский космизм не обязательно должен быть белым, он вполне может быть красным. Тот же Николай Федоров, будучи религиозным человеком, фактически предлагал учение, основанное на убежденности во всемогуществе разума, учение, являющееся абсолютно логическим завершением просветительской веры во всемогущество разума, а значит, и веры просветителей — атеистов высшей пробы — в то, что человек, погруженный в трехмерное пространство и прочие атеизмы, рано или поздно решит все задачи бога, включая воскрешение мертвых, создание нетленной материи и так далее.

«Разум всеислен», — говорят просветители.

«Да-да, — добавляют Федоров и другие. — А раз он всеислен, то мы и мертвых воскресим, и многое другое осуществим. Для этого и живем».

Такой романтический рационализм или такой рационалистический романтизм — это и есть прометеизм — неизбежное слабое марксистской веры в беспредельность разума, коммунистической веры в эту беспредельность. Если коммунизм как вера в разум перестает быть космическим и суперкосмическим, он сразу же остывает и рушится, хороня под своими обломками миллиарды человеческих судеб, всю систему человеческих надежд и саму человечность.

Этот вывод касается неизбежного перехода науки с позиций рафинированного поиска истины и только истины на позиции принципиально иные.

Наука — это служение жизни и сражение со смертью. Тезис о том, что наука ни с чем не борется, а только ищет истину, глубоко ложен. Великая наука никогда такой не была.

Наука может стать такой, только если ее лишит предельных целей, то есть космического по ее целеполаганию статуса, и обнулит все ее собственно метафизические претензии. Но тогда наука умрет, тогда и культура умрет, и человек умрет. Вначале умрет история, потом — человек. Для того чтобы этого не произошло, наука должна встать на путь глубокого самообразования, вобрать в себя целостность, породив тем самым новый ум, единый ум, как говорят алхимики, ум, способный охватить и понятия, и образы, преодолеть противоречия между понятием и образом. Создать сначала *unio mentalis*, а потом и нового человека.

В этом смысле сверхмодерн — это человеческое общество, в котором наука стала войной за жизнь со смертью, то есть особым разумным, но накаленным культом, способным породить вокруг себя новую культуру. На сегодня всё, что наука может породить вокруг себя, это научная фантастика. Но это слабый продукт. Новая наука породит сильные культурные продукты, а значит, новую культурную реальность, основанную на духе борьбы и целостности и порождающую нового человека. Решающее слово тут за Россией. Сверхмодерн и есть коммунизм 2.0.

Четвертый вывод. Декосмизация и деметафизация коммунизма породила вполне практические последствия. Накаленная красная идеология стала быстро и необратимо остывать. Ее остывание привело к краху коммунистического проекта. Значит, вопрос не только в том, какова реальность. Вопрос еще и в том, что надо закладывать в проект, предполагающий красное воскресение, оно же — красная весна и красное искупление. Космизм и метафизичность туда надо закладывать, иначе всё остынет, даже в случае если окажется восстановленным. Новую науку туда надо закладывать, сверхмодерн и всё остальное. Или лучше не затеваться, имея за плечами столь пагубный опыт краха.

Пятый вывод. Рассуждения о метафизике вообще и о четвертом этаже как обители метафизического человеческого сознания связаны воедино. Это не два различных рассуждения, это двуединое целое.

Речь идет о метафизической онтологии и о метафизической антропологии. Четвертое измерение — это метафизическая онтология. Четвертый этаж — это метафизическая антропология. Зачем нам онтология, то есть познание бытия, без антропологии, то есть познания человека?

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 12–15

Нам нужен человек-борец. Он нам нужен для победы и он нам нужен для реализации проекта. Для победы нам нужно единство смысла, силы и компетенции. Но о каком смысле идет речь? Нужен смысл, дарующий силу. Но этот смысл не может не быть метафизическим по своей сути. Он и у Амундсена был метафизическим, то есть предельным, и у каждого, кто правильным образом раскрывает Альфу.

Потому что сила без смысла, в конечном счете, разрушительна. Наверное, она лучше бессилия, но надо понимать, что это такое. Это — разрушение всех защит, всех нормативных скреп, а значит, открытие всех дверей. Если не открыты двери наверх, а их может открывать только энергодарующий смысл, то будут открыты двери вниз. И этот низ, востребовав тьму, пожрет человека.

Нет дарующего энергию смысла без правильно организованного четвертого этажа. Только такой смысл оседлывает силу и превращает ее в скакуна, на котором вы можете скакать к желанной цели. В любом другом случае скакун по имени «сила» понесет вас куда угодно, или вы окажетесь под его копытами.

То, как должен быть устроен четвертый этаж, мы, в общем-то, уже обсудили. Мы установили, что на четвертом этаже может быть расположен либо очень качественный, сложно организованный и эффективный приемник, либо приемник простейшего типа, своего рода смыслочувствительная суперамеба. Мы установили также, что каналы, передающие энергодарующий смысл, могут быть полноценными или поломанными.

Нам нужны приемники высшего качества, высшей сложности и эффективности, плюс такие же каналы. На этом основана и наша наука побеждать, и наше представление о красной антропологии, находящееся в единстве с нашими представлениями о красной онтологии и красной метафизике.

Если этого не будет, то не будет красного человека, но не будет и борьбы за красное. Потому что вместо этой борьбы начнутся постоянные качания между тем, идти ли путем борьбы или тем путем, который ведет в соседний уютный ресторанчик.

Шестой вывод. Антропология и психология связаны, но не тождественны. Красная психология борется за пробуждение и укрепление центра человеческой фундаментальной активности.

Этот центр активизируется только за счет длительной стратегической напряженности, за счет постоянного взятия барьеров, за счет преодолений. Если этих преодолений нет, то человек становится «упокоенным», то есть мертвым вживе. Не будет ни борьбы за коммунизм, ни самого этого нового человека, вне которого коммунистическая доктрина мертва. Человеком не рождаются, им становятся. Хотите им стать — откажитесь от равновесия, от редукции влечений и от прочих буржуазно-антигуманистических пакостей. Они никакого отношения к красному не имеют. Это как раз то, что погубило красное, — псевдокрасное мещанство, псевдокрасное «ням-ням».

Сделайте центром социальности и человечности его величество равновесие — и человек умрет, а общество станет муравейником.

Советский поэт Самуил Маршак еще в 1962 году написал такие, ныне крайне актуальные, строки:

*Человек ходил на четырех,
Но его понятливые внуки
Отказались от передних ног,
Постепенно превратив их в руки.*

*Ни один из нас бы не взлетел,
Покидая Землю, в поднебесье,
Если б отказаться не хотел
От запасов лишних равновесья.*

Равновесие внутри человека и равновесие в обществе — это царство смерти. И царство неметафизичности. Там, где метафизичность вступает в свои права, борьба между жизнью и смертью, выходящая на метафизический уровень, становится отрицанием равновесия. Поэтому прорыв к метафизичности и прорыв к отсутствию равновесия — это, по сути, единый прорыв.

Я процитировал строки Маршака о равновесии, сейчас процитирую другие строки — Николая Гумилева.

*Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья;*

*Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.*

Человек не начнет без обретения энергодарующего смысла преодолевать барьеры. А не преодолевая барьеры, он не создаст центра фундаментальной активности, а значит, у его личности не будет центра.

Как мы видим, красная психология, красная антропология и красная метафизика связаны воедино. И не за счет моих сверхценных идей. У нас есть традиция, в рамках которой всё это связано. Вне этой — прометеевской по своей сути — традиции гуманизм лишен жизнестойкости, а значит, обречен на сокрушительное и скорое поражение.

Седьмой вывод. Красный советский проект разрушило советское мещанство. Воссоздать новый проект можно, только отказавшись от своей связанности с современным мещанством, современной ларечной всеобъемлющей потребительской трясиной.

Нужен исход из этой трясины. Мы уже обсудили этот исход, назвав его плаванием. Но, во-первых, тот мещанский («кошачий и детский») мир, о котором говорил Багрицкий, «до отвращения мил». Внутренне ненавидящие его люди могут бояться его потерять, они могут бояться плавание до колки. Говоря иными словами, они могут бояться потерять равновесие, могут бояться обрести силу. Они могут бояться очень многих обретений, которые дарует плавание, оно же — исход, потому что все эти обретения рушат защиты, снимают печати и открывают двери.

Значит, даже для того, чтобы решиться на исход из современного мещанского нормативного ларечного мира, нужна сила. А ее нельзя обрести без полноценного смысла. Но предположим, что вы даже решились на исход. Сразу возникает вопрос: куда исходить?

Отвратительная гравитация современной жизни влечет человека, вышедшего из социально-нормативного мещанского

мира, в мир безнормативности, бомжевания. Туда и исходят. И там обретают ловушку антибытийности, деградации под антимещанским соусом. Горький всё это хорошо описал в пьесе «На дне». Такой путь для нас запрещен.

А значит, наш путь — это путь в аристократический аскетизм. Только он может быть противопоставлен мещанству победительно, а не по принципу «пропадай моя телега, все четыре колеса».

Аристократический аскетизм — это дисциплина, это внутренняя мобилизованность, социальный эффективный минимализм, это подчинение всего и вся определенному стилю — бытовому, поведенческому, всеобщему. Это военно-спортивный дух, противостоящий духу мещанской расслабленности и отдышателности. И это, конечно же, коллективизм, превращающий микросоциальные организмы в зоны альтернативной жизни, основанной на братской солидарности и единстве фундаментальных ценностей, подкрепленном единством стиля, единством настойчиво формируемой социальной бытийственности, основанной на антирасслабке и утверждающей ее как благо и как спасение. Только такой аристократический аскетизм, отстаиваемый не только ежедневно, но и ежесекундно, может обеспечить исход из засасывающей мещанской трясины.

Уходить надо не вниз, а вбок и вверх. И пусть на вас смотрят не с сожалением, а с изумлением и завистью. И, повторяю, никакой показухи, никакой игры по принципу «Я и аристократический аскетизм».

Восьмой вывод. Осью метафизики являются определенные представления о борьбе между жизнью и смертью. Именно эти представления о предельности и непримиримости данной борьбы рождают в бытии красное, то есть воинское, начало.

В рамках этих представлений существует не только живая жизнь и абсолютная смерть. Существует также смерть вживе, то есть превращение живого человека в ходячего мертвеца, и жизнь в смерти, то есть тот берег, о котором так много уже было сказано.

Самым фундаментальным в этой системе представлений, вполне приземленных и одновременно метафизических, является всё, что связано со смертью вживе.

Об этом написано очень много. Смерть вживе — это сон на бегу, это превращение человека в автомат, призванный совершать простейшие действия. Такие автоматы, по словам чеховского героя, «говорят свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников».

Современная жизнь неумолимо превращает человека в автомат. Его борьба против такой автоматизации за живую жизнь именуется пробуждением. И пробудившийся человек действительно получает доступ к огромным энергиям.

Пробуждение является и условием победы, и тем, ради чего осуществляется проект.

Превращение человека в вещь, то есть в автомат, — это и есть отчуждение человека от того, что Маркс называл его родовой сущностью.

XLIV

Все, о чем я говорил в данном докладе, может быть названо ставкой на пробуждение. Мы знаем, что окружающая нас действительность обладает способно-

стью к негативному отрицательному саморазвитию. Мы знаем также, что даже для сдерживания этих негативных тенденций, а уж тем более для их перелома, нужны огромные силы, причем силы просветленные, высококомпетентные. Мы знаем, что таких сил у нас нет. Но мы знаем также, что их еще меньше у других. А без их обретения катастрофа неизбежна.

Более того, мы знаем, что только обретение этих сил может искупить униженный крах советского проекта, что только оно является тем деянием, которое восстанавливает до конца нашу связь с берегом.

Это значит, что подобные силы надо добыть. Добыча этих сил почти невозможна, но поскольку без нее всё обернется крахом и позором, то надо задействовать те крохотные шансы, которые содержатся в слове «почти» и отделяют почти невозможное от совсем невозможного.

Почти невозможное — это чудо. Есть чудеса, которых ждут, вымалывая их у каких-то внешних сил. А есть чудеса рукотворные, и наши предки их не раз совершали. В народе про это говорится: «На бога надейся, а сам не плошай».

Что такое, в сущности, чудо? Это реализация маловероятных сценариев.

Мы уже в этом смысле совершали много малых чудес. И сама наша встреча здесь — тоже одно из таких чудес, одно из отрицаний роковой неумолимости всего того, что представляет собой наша действительность в ее могучем отрицательном, ликвидационном по своей сути саморазвитии.

Да, ставка на пробуждение каждого как условие пробуждения всех и пробуждение всех как условие пробуждения каждого — это ставка на маловероятное, то есть на рукотворное чудо. Но других ставок нет. И потому ставка на пробуждение должна стать осью нашей стратегии. Это не отменяет необходимости конкретных дел, это не противоречит ни одному из наших конкретных планов, но это собирает все наши конкретные планы в единое целое.

А главное — это возвращает нам определенный тип духовной жизни, очень знакомый и, я уверен, крайне желанный.

Испуганный Запад называл происшедшее в нашем красном отечестве русским чудом. И впрямь было так. Мы, ощущая себя реальными наследниками тех, кто создал это рукотворное чудо или эти рукотворные чудеса, не можем и не хотим говорить о том, что нам не по плечу новое рукотворное чудо, чудо нашего пробуждения, осуществляемого вопреки диктату реальности. Мы эту реальность осваиваем и одновременно воспринимаем не как рок, а как вызов.

Ответ на вызов — ставка на пробуждение, она же — ставка на чудо.

В конце концов, чего мы стоим, если не сделаем эту ставку? И чего стоят наши слова «До встречи в СССР!»? Но мы ведь их произносим без всякого самолюбования и кокетства. Мы их произносим как суровый рыцарский обет. Как исполнение долга перед усопшими.

Во имя исполнения этого долга мы говорим:

*Воистину, до встречи в СССР!
Враг будет разбит, победа будет за нами!*